A-30752
-1

TARTU RIIKLIK ÜLIKOOL

ÜLDAJALOO KATEEDRI TÖID

I

TARTU 1970

A-30752
-1

TARTU RIIKLIK ÜLIKOOL

ÜLDAJALOO KATEEDRI TÖID

I

TARTU 1970

2
Tartu Riikliku Ülikooli
Raamatukogu
77230

O. K l a a s s e n

RAHVUSLIKE JÕUDUDE ÜHTSUSE PROBLEEM INDONEESIAS HOLLANDI KOLONIALISMI VASTU VÕITLEMISE PERIOODIL

(aastail 1945 - 1949)

S i s s e j u h a t u s

Esinedes 19. juulil 1920. aastal kõnega Kominterni II kongressil, rõhutas V.I. Lenin: "Ülemaailmne imperialism peab langema, kui ekspluateeritavate ja rõhutud tööliste revolutsiooniline pealetung igal üksikul maal ... liitub nende sadade miljonite inimeste revolutsioonilise pealetungiga, kes siiamaani seisid väljaspool ajalugu ning kellele vaadati ainult kui ajaloo objektile." [1]

Selle etapi inimkonna ajaloos avas Teine maailmasõda. Hitlerliku koalitsiooni vastasest võitlusest kasvasid välja rahvademokraatlikud revolutsioonid, mis viisid sotsialistliku maailmasüsteemi kujunemisele. Algas imperialistliku koloniaalsüsteemi lagunemine, mille tulemusena umbes 1,5 miljardit inimest saavutas poliitilise sõltumatuse. [2] Ülemaailmne sotsialistlik ja töölisliikumine ühines sõltuvate rahvaste rahvusliku vabastusvõitlusega ühtseks antiimperialistlikuks revolutsioonilise rindeks. [3]

---

1 V.I. Lenin. Kommunistliku Internatsionaali II kongress. Teosed. 31. kd., lk. 203.

2 "История международного рабочего и национально-освободительного движения", часть III. Москва, 1966, стр. 269.

3 L.I. Brežnev. Kommunistide monoliitsuse tugevdamise ja antiimperialistliku võitluse uue tõusu nimel. - Kommunistlike ja töölisparteide rahvusvaheline nõupidamine. Dokumendid ja materjalid. 5.-17.juuni 1969. Tln., 1969, lk.54.

Indoneesia oli üks esimesi koloniaalmaid, kes andis oma panuse selle ühisrinde kujunemisse. Revolutsiooni puhkemise vahetuks tõukeks Indoneesias sai militaristliku Jaapani sõjaline purustamine Nõukogude armee võiduka pealetungi tulemusena 1945. aasta augustis. [4] Imperialistide katsed taastada Indoneesias koloniaalreŽiim ei kandnud vilja. 1949. aastal oli Holland sunnitud de jure tunnustama Indoneesia iseseisvust.

Poliitilise sõltumatuse kättevõitmisel Indoneesias etendas olulist osa 1945. aastal stiihiliselt kujunenud rahvuslike antiimperialistlike jõudude koostöö. Selle koostöö iseloomust ja tugevusest olenesid revolutsiooni saavutused igal konkreetsel etapil.

Ent rahvuslike jõudude ühtsuse küsimusele Indoneesias on ajaloolased seni pööranud vähe tähelepanu. Spetsiaalsed uurimused puuduvad, kui mitte arvestada D.N. Aiditi väikest artiklit. [5] Küll aga on selle probleemi üksikuid aspekte ja detaile käsitlenud mitmed Nõukogude Liidu, Indoneesia, USA, Hollandi jt. maade ajaloolased. Nõukogude autorite töödest tuleks märkida A.A. Guberi pikemat artiklit "Indoneesia rahvas võitluses sõltumatuse eest", [6] E.H. Kjamilevi monograafiat "Indoneesia rahva võitlus rahvusliku sõltumatuse eest (1945-1949.a.)", [7] O.I. Zabozlajeva, U.A. Žarovi,

---

4 О. И. Забозлаева. Борьба индонезийского народа за упрочение независимости.-"Республика Индонезия 1945-1960". Москва, 1961, стр. 33.

5 Д.Н. Айдит. Единый национальный фронт и его история.-"Избранные произведения. Статьи и речи". Москва, 1962, стр. 78-89.

6 А.А. Губер. Индонезийский народ в борьбе за независимость.-"Кризис колониальной системы. Национально-освободительная борьба народов Восточной Азии". Москва-Ленинград, 1949, стр. 137-178.

7 Э.Х. Кямилев. Борьба индонезийского народа за национальную независимость (1945-1949 гг.). Москва, 1968 (рукопись кандидатской диссертации).

I.P. Plõševski jt. artikleid.[8] Ulatusliku töö on sellele perioodile Indoneesia ajaloos pühendanud poola teadlane M. Ciechanowska.[9] Indoneesia ajaloolaste töödest on kapitaalseim "Indoneesia Vabariik",[10] mille 11 kogukat köidet annavad provintside kaupa ülevaate Indoneesia arengust viiekümnendate aastate alguseni. Teistest Indoneesia ajaloo allikmaterjalidest on suure väärtusega mitmesugused dokumentide kogumikud,[11] samuti mõned monograafilist laadi uurimused.[12]

Suhteliselt palju tähelepanu 1945.-1949. aastate Indoneesia probleemidele on pööranud paljud Lääne autorid: USA ajaloolased G. McKahin,[13] Dr. J.M. van der Kroef[14] jt., Pakistani ajaloolane I. Chaudhry,[15] Hollandi

---

8 О.М. Забозлаева. цит. соч.; "История международного рабочего и национально-освободительного движения". часть III (стр. 301-306); И.П. Плышевский. Индонезия 1945-1949 годов. Москва, 1951.

9 M. Ciechanowska. Indonezja w walce o niepodległość (1945-1949). Warszawa, 1962.

10 "Republik Indonesia", [I-XI], s.l. et s.a.

11 Lukisan revolusi rakjat Indonesia, 1945-1949, [Jogjakarta, 1949]; Kepartaian di Indonesia. Djakarta, 1951; Koesnodiprodjo, Himpunan undang[2], peraturan[2], penetapan[2] pemerintah Republik Indonesia. Djakarta, 1951; jt.

12 Drs. Susanto Tirtoprodjo SH, Sedjarah revolusi nasional Indonesia. Tahapan revolusi bersendjata 1945-1950. Djakarta, 1963; Mr. Moh. Yamin. Sapta dharma (Patriotisme Indonesia). Medan, 1950.

13 G. McKahin. Nationalism and Revolution in Indonesia. Ithaca, 1955; G. McKahin. Some Aspects of Indonesian Politics and Nationalism. New York, 1950.

14 Dr. J.M. van der Kroef. Indonesia in the Modern World, I-II. Bandung, 1954-1956; J.M. van der Kroef. The Communist Party of Indonesia. Its History, Program and Tactics. Vancouver, 1965.

15 I. Chaudhry. The Indonesian Struggle, Lahore-Peshawar-Karachi, 1950.

ajaloolased H.J.H. Alers, C. Smit [16] jne.

Väärtuslikke materjale leidub kaasaja Indoneesia ja Hollandi riigitegelaste töödes. [17]

Käesolevas artiklis on püütud läheneda Indoneesia revolutsiooni probleemidele aastail 1945-1949 rahvusliku ühisrinde eest peetava võitluse aspektist lähtudes ning analüüsida antiimperialistlike jõudude ühtsuse tähtsust Indoneesia rahvuslikus vabastusliikumises sõjajärgsetel aastatel.

Sõltumatuse proklameerimine

Teated Jaapani kapituleerumisest jõudsid Indoneesiasse juba samal päeval, 14. augustil 1945 [18], tekitades vastupanuliikumises elavat vastukaja. Sutan Sjahrir, üks Jaapani-vastase põrandaaluse liikumise juhte, [19] nõudis Indoneesia sõltumatuse viivitamatut väljakuulutamist. [20]

---

16 Henry J.H. Alers. Om een rode of groene merdeka. 10 jaren binnenlandse politiek Indonesië. 1943-1953, [Leiden] 1956; Mr. Dr. C. Smit. De liquidatie van een imperium. Nederland en Indonesië 1945-1962. Amsterdam, 1962.

17 Soekarno. Dibawah bendera revolusi. Djakarta s.a.; Drs. Mohammad Hatta, Mendajung antara dua karang [Djakarta, 1951] ; S. Sjahrir. Indonesian Socialism. Rangoon, 1956; H.J. van Mook. The Stakes of Democracy in Southeast Asia. New York, 1950; P.S, Gerbrandy. Indonesia. London, 1951.

18 Selosoemardjan. Social Changes in Jogjakarta. Ithaca, 1962, p. 59; 14.augustil 1945.a. imperaator Hirohito poolt allakirjutatud reskript tähistas vaid formaalset kapituleerumist sõjategevuse faktilise lõppemiseta (vt. Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны. Документы и материалы. т.III, Москва, 1947, стр. 384).

19 Sutan Sjahrir (1909-1966) oli Indoneesia paremsotsialistide liider; keeldunud koostööst Jaapani okupatsioonivõimudega, organiseeris ta mitmeid illegaalseid võitlusrühmi, pidades samal ajal kontakti ka legaalselt tegutsevate Indoneesia rahvusliku liikumise liidritega.

20 S. Sjahrir. Out of Exile. New York, 1949, p. 253.

Selle nõudmisega ühinesid paljud illegaalsed võitlusorganisatsioonid.[21] Rahvusliku liikumise üldtunnustatud liidrid Sukarno[22] ja Drs. Mohammad Hatta[23] esialgu kõhklesid, kuid revolutsioonilise noorsoo survel[24] nõustusid lõpuks siiski Indoneesia sõltumatuse kohese proklameerimisega.[25]

1945.a. 17. augusti hommikul kogunes Sukarno maja ette (Pegangsaan Timuri t. 56) grupp Djakarta elanikke. Sukarno pidas neile lühikese kõne[26] ja luges ette Sõltu-

---

21 15.aug. 1945.a. toimusid Djakartas mitmed illegaalsete võitlusorganisatsioonide esindajate nõupidamised, kus nõuti sõltumatuse viivitamatut väljakuulutamist (vt. A. Malik. Riwajat dan perdjuangan sekitar proklamasi kemerdekaan Indonesia 17 Agustus 1945. Djakarta, 1962, hal. 35-38; S. Kertapati. Sekitar proklamasi 17 Agustus 1945. Djakarta, 1961, hal. 20-21).

22 Sukarno (täieliku nimega Kusno Sosro Sukarno) sündis 1901.a. Surabajas; kahekümnendatel aastatel lülitus ta rahvuslikku liikumisse ja tõusis peagi selle üheks liidriks; Jaapani okupatsiooni aastatel juhtis ta nn. legaalset vastupanuliikumist, mis välise koostöö varjul võitles sõltumatuse kättevõitmise eest.

23 Drs. Mohammad Hatta (sünd. 1902) kuulus Indoneesia rahvusliku liikumise parempoolsete liidrite hulka; Jaapani okupatsiooni aastail tegutses legaalselt, olles aga ühtlasi kontaktis illegaalsete võitlusrühmadega.

24 Kuigi Hatta eitab noorsoo otsustavat osa (Mohammad Hatta. Verspreide Geschriften. Djakarta-Amsterdam-Surabaja, 1952, blz. 330 jj.), räägivad faktid siiski selle poolt (vt. Sukarno. An Autobiography as Told to Cindy Adams. Indianopolis, 1965, pp. 206 jj.; A. Malik. Op. cit., hal. 39-40).

25 G. McKahin. Nationalism and Revolution in Indonesia, p. 135.

26 Kõne tekst vt.: [Ir. Sukarno], Dari proklamasi sampai Resopin. [Djakarta, 1961], hal. 13-14.

matuse Deklaratsiooni napisõnalise teksti. [27] Siis heisati pidulikult vardasse puna-valge Indoneesia rahvuslipp.[28] Nii sündis Indoneesia Vabariik.

See revolutsiooniline akt oli indoneesia rahva sajandeid kestnud kolonialismivastase võitluse loogiline resultaat, rahvusliku liikumise "kulminatsioonipunkt". [29] Sõltumatuse väljakuulutamisest olid faktiliselt huvitatud kõik indoneesia ühiskonna põhilised sotsiaalsed ja poliitilised jõud. See lõi soodsa baasi rahvuslike jõudude konsolideerumiseks.

"Proklamatsiooni efekt oli vapustav. Meie rahvas nagu oleks olnud elektriseeritud. Enamus Indoneesia tsiviilametnikke, haldureid, politseinikke ja sõjaväelaste gruppe deklareeris otsekohe oma toetust vabariigile. Rahvuslik tugevus ja ühtsus saavutasid senitundmatu kõrguse," kirjutab Sjahrir. [30]

Oma poolehoidu "kuldsele sillale", nagu Sukarno nimetab piltlikult poliitilist sõltumatust, [31] ruttasid kinnitama erinevad ühiskonnakihid. Iga päev saabus tervitustelegramme mitmesugustelt organisatsioonidelt ja eraisikutelt kogu Indoneesiast. [32] Kõikjal heisati rahvuslipud. Algas

---

27 Deklaratsiooni fotokoopia vt.: Lukisan revolusi rakjat Indonesia, hal. 54 või Illustrations of the Revolution. 1945-1950. From a Unitary State to a Unitary State. [Djakarta, 1954], p. 60.

28 Punane (sümboliseerib mehisust ja võitlustahet) ning valge (sümboliseerib moraalset puhtust) kinnitati Indoneesia rahvuslipu värvideks Indoneesia Noorsoo Kongressil 1928.a.

29 L.M. Sitorus. Sedjarah pergerakan kebangsaan Indonesia. Djakarta, 1951, hal. 62.

30 S. Sjahrir. Out of Exile, p. 259.

31 Сукарно. Индонезия обвиняет. Москва, 1956, стр.256.

32 K.O. Permadipura. Mengenang detik proklamasi kemerdekaan. - "Bingkisan nasional" kenangan 10 tahun revolusi Indonesia . Djakarta, 1955 , hal. 16-17.

jaapanlaste massiline desarmeerimine, mis sageli arenes veristeks kokkupõrgeteks.[33]

Paralleelselt toimus riigivõimu organiseerimine. Indoneesia Sõltumatuse Ettevalmistamise Komitee (Panitia Persiapan Kemerdékaan Indonésia), mille okupatsioonivõimud olid loonud 7. augustil 1945,[34] võttis endale parlamendi funktsioonid ning valis 18. augustil 1945 Sukarno Indoneesia Vabariigi presidendiks ja Hatta asepresidendiks.[35] Samal päeval kinnitati konstitutsioon.[36] 19. augustil kujundas Sukarno presidentaalse valitsuse[37] ning määras ametisse provintside kubernerid ja residentkondade ülemad.[38] 22. augustil aga reorganiseerus Indoneesia Sõltumatuse Ettevalmistamise Komitee Indoneesia Keskrahvuskomiteeks - KNIP (Komité Nasional Indonésia Pusat) ning andis korraldu-

---

33 S. Sjahrir. Out of Exile, p. 261; Seloscemardjan. Op. cit., p. 64.

34 Esialgu kuulus sinna 21 liiget eesotsas Sukarno ja Hattaga, 18. aug. 1945 koopteeriti kuus täiendavat liiget (nimekiri vt.: Prof. Mr. A.G. Pringgodigdo. Perubahan kabinet presidensiil mendjadi kabinet parlementer. Jogjakarta, s.a., hal. 14-16).

35 Istungi protokollid vt.: Prof. Mr. Hadji Muhammad Yamin, Naskah-persiapan Undang-undang dasar 1945, Dj. I, [Djakarta] 1959, hal. 399-473.

36 Mr. Assaat. Hukum tata negara Republik Indonesia dalam masa peralihan [Jogjakarta, 1948], hal. 5; konstitutsiooni tekst koos ofitsiaalsete kommentaaridega vt.: Prof. Mr. Hadji Muhammad Yamin. Naskah-persiapan Undang-undang dasar 1945, Dj. I, hal. 27-45; venekeelne tõlge vt.: Конституции государств Юго-Восточной Азии и Тихого океана. Москва, 1960, стр. 153-162.

37 Valitsuse koosseis vt.: Kabinet-kabinet Republik Indonesia [Djakarta, 1958], hal. 17.

38 Vt. Drs. Susanto Tirtoprodjo SH. Op. cit., hal. 57-58.

se kohalike rahvuskomiteede loomiseks eesmärgil "ühendada rahva kõik kihid ... kogu Indoneesias üksmeelseks ja tugevaks rahvusliiduks". [39]

Indoneesia Vabariigi esimestes legislatiivaktides vormistati Indoneesia sõltumatu riikluse põhialused ja rajati tee rahvuslike jõudude ühtsuse edasisele tugevnemisele.

Klassijõudude asetus

Indoneesia Vabariigi loomisest võtsid ühel või teisel määral osa indoneesia ühiskonna kõik klassid ja kihid. Ent kõige suurema panuse sõltumatuse kättevõitmisel ja kindlustamisel andsid töötavad massid: tööliskiass, linna ja maa poolproletaarsed kihid, väike- ja keskmiktalupojad, käsitöö ja pisikaubandusega tegelev väikekodanlus, revolutsiooniline intelligents.

Indoneesia elanikud (1945. aastal 76,5 milj.[40]) olid enamikus talupojad: umbes 70 % elanikkonnast oli seotud põllumajandusega. [41] Seejuures kuulus valdav osa talupoegi

---

39 Vt. Drs. Susanto Tirtoprodjo SH. Op. cit., hal. 58. Kohalike rahvuskomiteede loomine algas faktiliselt isevoolu korras, enne keskvõimu vastava korralduse kohalejõudmist (G. McKahin. Nationalism and Revolution in Indonesia, p. 154). Sellest hoolimata komplekteeriti nad erinevate sotsiaalsete ja poliitiliste jõudude esindatuse printsiipi silmas pidades (vt. näiteks Djokjakarta KNI moodustamine - Selosoemardjan. Op. cit., pp. 60-61).

40 H. de Meel. Demographic Dilemma in Indonesia. - "Pacific Affairs", 1951, No. 24, p. 272.

41 Ю.А. Сотников. Индонезия. - "Аграрные отношения в странах Востока". Москва, 1958, стр. 285.

(eriti Jaaval, kus elas ca 50 milj. inimest [42]) kehvikute kategooriasse. [43] Omamata küllaldaselt maad ja elatusvahendeid, moodustas see osa talupoegadest võimsa revolutsioonilise jõu, kellele võitlus rahvusliku sõltumatuse eest, koloniaalse ekspluateerimise ja väliskapitali võimutsemise [44] vastu oli ühtlasi võitluseks maa ja paremate elamistingimuste eest. Riiklikust iseseisvusest olid huvitatud aga ka varakamad talupojad, kes otsisid vahendeid vabanemiseks kohaliku aristokraatia ja hiinlastest vaheltkaubitsejate survest.

Suhteliselt suure osa põllumajandusega seotud elanikkonnast moodustasid istanduste töölised. Teise maailmasõja eel ulatus nende arv 1 388 000 inimeseni, kusjuures üle 3/4 neist töötas Jaaval ja Madural. [45] Istandustööliste niigi rasked elutingimused olid Jaapani okupatsiooni aastatel veelgi halvenenud: sajad tuhanded olid kaotanud istanduste sulgemise tõttu töö, [46] paljud ka elu. [47] Lootused vabadu-

---

42 H. de Meel, Op. cit., p. 272.

43 Lääne-Jaaval näiteks oli alla ühe hektari suuruse majandi omanikke 87 % talupoegade üldarvust (vt. W.F. Wertheim, Indonesian Society in Transition. A Study of Social Change. The Hague and Bandung, 1956, p. 112).

44 Väliskapitali kätte olid Indoneesias koondunud suured maavaldused: enne Teist maailmasõda moodustasid nad 3 788 364 ha (R. Emerson. Malaysia. New York, 1937, pp. 51-52), s.o. 22,3 % haritavast põllupinnast.

45 О.И. Забозлаева. Формирование рабочего класса в Индонезии. - "Краткие сообщения Института востоковедения". XX. Москва, 1956, стр. 12.

46 Vt. "The Dutch in the Far East Proud of Their Achievements, Confident in the Future", Rotterdam-Amsterdam, 1946, No. 2, pp. 22-23.

47 Okupatsiooni ajal hukkus ca 4 milj. indoneeslast ("Bintang merah", 1952, No. 3-4, hal. 100).

sele, sotsiaalsele õiglusele ja paremate elatumisvõimalustele viisid istandustöölised sõltumatuse eest võitlejate esiritta.

Õlg õla kõrval maaproletariaadiga võitlesid indoneesia töölised, kelle arv Teise maailmasõja eel ulatus 3,1 miljonini (neist 2,8 miljonit töötas käsitöönduslikes ettevõtetes ja ainult o,3 miljonit mehhaniseeritud tööstuses, raudtee- ja meretranspordi alal ning kaevandustes).[48]

Sajandi vältel omandatud kogemused [49] olid õpetanud indoneesia tööliskassi nägema oma klassivaenlast eelkõige hollandi kapitalistides, kelle käes olid majanduse juhtpositsioonid Indoneesias. [50] Võitlus kolonialismi vastu, rahvusliku sõltumatuse eest oli indoneesia proletariaadile klassivõitluse avalduseks.

Antikolonialistlik revolutsioon tõmbas kaasa ka käsitöö ja pisikaubandusega tegeleva väikekodanluse. Oma sotsiaalselt positsioonilt oli ta sageli lähemal proletariaadile kui rahvuslikule kodanlusele.[51] Kuigi väga heterogeenne ja kõhklev,[52] etendas väikekodanlus (eriti väikekodanlik intelligents) indoneesia rahvuslikus liikumises silmapaistvat osa ning tõusis 1945. aasta augustipäevadel revolutsioonilise võitluse hegemooniks.

48 О.И. Забозлаева. Формирование рабочего класса в Индонезии, стр. 10-11.

49 Esimesed andmed palgatöö kasutamise kohta Indoneesias pärinevad 1849. aastast (J.S. Furnivall. Netherlands Indies. Cambridge, 1939, p. 184).

50 1952.a. andmetel hinnati väliskapitalimahutusi Indoneesias 2,1 miljardile dollarile, sellest kuulus Hollandi kapitalile 1,47 miljardit dollarit ehk üle 2/3 ("Bintang merah", 1955, No. 11-12, hal. 389).

51 W.F. Wertheim. Op. cit., p. 111.

52 Lenin märgib, et väikekodanluse kõhklemine ja kõikuvus on tema sisemise nõrkuse resultaat (vt. V.I. Lenin. Aeemiline duuma või aeemiline väikekodanlus. Teosed, 12. kd., lk. 307).

See sai võimalikuks eelkõige tänu asjaoludele, mis väikekodanlusest endast ei sõltunud. Üks tähtsamaid nendest teguritest oli kahtlemata indoneesia proletariaadi organisatsiooniline ja ideoloogiline nõrkus, mis ei võimaldanud tal edukalt osa võtta revolutsiooni juhtimisest. Ent selle kõrval tuleb arvestada ka indoneesia rahvusliku kodanluse ebaühtlust ja poliitilist ning majanduslikku nõrkust.[53]

Rahvusliku kodanluse areng Indoneesias oli toimunud äärmiselt ebasoodsates tingimustes. Ühelt poolt ahistas teda võimsa monopolistliku väliskapitali (peam. Hollandi ja Inglise) surve, teiselt poolt "omamaise" Hiina liigkasuvõtliku ja kaubanduskapitali võimutsemine. Indoneesia enda rahvusliku kapitali tegevussfäär kujunes niivõrd kitsaks, et Teise maailmasõja eel suutis ta valitseda vaid 2 % rahvusliku majanduse aktivatest.[54] Seetõttu oli rahvuslik kodanlus tervikuna huvitatud kolonialismi likvideerimisest Indoneesias, rahvusliku sõltumatuse kättevõitmisest.

Samal ajal aga oli indoneesia rahvuslik kodanlus väga heterogeenne, koosnedes erinevate traditsioonide ja sidemetega, erinevate majanduslike võimalustega, erinevate huvi- ja tegevussfääridega gruppidest. Selline killustatus komplitseeris rahvusliku kodanluse positsiooni indoneesia rahvuslikus liikumises.

Küllaltki arvuka ja mõjuka sotsiaalse jõu indoneesia ühiskonnas moodustasid feodaalne ja bürokraatlik aristokraatia. Nusantaras[55] eksisteeris 282 mitmesugust territooriumi, kus valitsesid sultanid, radžad või hõimuvanemad.

---

53 Н.А. Симония. Буржуазия и формирование нации в Индонезии. Москва, 1964, стр. 112.

54 "Классы и классовая борьба в развивающихся странах", т. I. Москва, 1967, стр. 152.

55 Indoneesia kohalik, rahvapärane nimetus; tõlkes: "saarestik", "kodumaa".

Juba ammu olid nad minetanud oma sõltumatuse ja muutunud Hollandi koloniaaladministratsiooni ametnikeks, säilitades siiski teatavad õigused ja privileegid (tiitlid, osa maavaldusi, erikohtud jne.). Revolutsiooni puhkedes asus üks osa aristokraatiast vabariigi poolele, [56] teine osa aga võttis äraootava või isegi vaenuliku positsiooni.

Sõltumatuse eest peetava võitluse toetamisest loobus ka väike kiht komprадoorseid elemente, kelle hüveolu sõltus väliskapitalist.

Kuivõrd rahvuslike huvide vastu tegutsesid vaid suhteliselt väikesed klassijõud, siis kujunesid Indoneesias välja soodsad tingimused ühtse rahvusrinde formeerumiseks. Eksisteerivad rahvuslikud, etnilised, religioossed ja muud sellised erinevused ning dissonantsid [57] taandusid tagaplaanile ühise antikolonialistliku ja antiimperialistliku võitluse ülesande ees.

Poliitiliste parteide süsteemi kujunemine

Rahvusliku ühtsuse printsiip leidis oma teoreetilise põhjenduse ja ideoloogilise aluse pantjasila [58] doktriinis,

---

56 Eelkõige tuleb märkida Djokjakarta noort sultanit Hamengku Buwono IX (sünd. 1912.a.), kes "ühendas julgelt oma saatuse Vabariigiga" (D. C. Smith, Jr. The Land and People of Indonesia. Philadelphia-New York, 1961, pp. 75-76).

57 Indoneesias elab üle 360 etnilise grupi ja rahva ning peale islami (87 % elanikest) on siin levinud ka ristiusk, hinduism, buddism ja mitmed teised usundid (vt. "Народы Юго-Восточной Азии", Москва, 1966, стр. 412-413).

58 Tõlkes "viis printsiipi".

mille Sukarno oli formuleerinud oma 1. juuni 1945. aasta kõnes [59] ja mille põhipunktid olid järgmised:

1) natsionalism (deklareeris Indoneesia rahvuslikku kokkukuuluvust); 2) internatsionalism ehk humanism (väljendas rahvusvahelise koostöö ning vähemusrahvuste kaasatõmbamise põhimõtet); 3) demokratism (tõi esile rahvaesinduse idee); 4) sotsiaalne õiglus (nii poliitilisel kui ka majanduslikul alal); 5) usk ainujumalasse (fikseeris usuvabaduse ja religioonide võrdsuse printsiibi).

Pantjasila pidi kujunema "kollektiivseks ideoloogiaks kogu indoneesia rahvale" [60], "reaalseks platvormiks maa kõigi poliitiliste voolude ühendamisel ühtseks antiimperialistlikuks rahvusrindeks". [61] Selle ülesande suutis ta ka täita, kuigi kaugeltki mitte kõik poliitilised rühmitused ei tunnustanud pantjasilat oma tegevuse ideoloogiliseks aluseks. [62]

Ent kuigi Indoneesias kujunes revolutsioonilistel augustipäevadel välja rahvuslike jõudude faktiline ühisrinne, tekkisid kohe tõsised raskused selle ühisrinde organisatsioonilisel vormistamisel. KNIP katse 22. augustil 1954 luua ainuparteiline süsteem ühtse Indoneesia Rahvuspartei

---

59 Kõne tekst vt.: The Birth of Pantjasila. An Outline of the Five Principles of the Indonesian State. Djakarta s.a., pp. 8–32 või Сукарно. Индонезия обвиняет, стр. 251–273.

60 R. Abdulgani. Ideologie dan negara, Djakarta, 1954, hal. 37.

61 Л.Я. Дадиани. Образование независимой Индонезии и конституция 1945 года. – "Ученые записки Института международных отношений", вып. 3. Москва, 1961, стр. 129.

62 Eriti tugevat vastupanu pantjasila printsiipidele avaldasid ekstremistlikud islami ringkonnad, kes taotlesid islamile baseeruva riigi loomist; mitmesuguste aspektide seas levinumaks kujunes Mr. Sjafruddin Prawiranegara poolt teoreetiliselt argumenteeritud nn. religioosne sotsialism, mis pakkus riigi ideoloogiliseks aluseks pseudosotsialistlike fraasidega varjutatud islamit (vt. S. Prawiranegara. Politiek dan revolusi kita. Djakarta, 1948).

(Partai Nasional Indonésia) näol [63] kukkus läbi. 31. augustil avaldatud valitsuse deklaratsioonis teatati Indoneesia Rahvuspartei loomise "ajutisest edasilükkamisest"[64]; faktiliselt jäi ta Sukarno poolt kavandatud kujul üldse loomata. Poliitilised ja ideoloogilised lahkhelid olid siiski liiga suured selleks, et ühendada kõik rahvuslikud jõud ühtsesse monoliitsesse organisatsiooni.

Juba Indoneesia Vabariigi eksisteerimise esimestel kuudel kerkisid sõltumatuse kaitsmise kõrval esiplaanile võimuprobleemid. Sukarno autoritaarset positsiooni [65] rünnati mitmelt poolt. Eriti suurt aktiivsust näitas üles kaks poliitilist rühmitust: 1) parempoolsed sotsialistid, kes olid rühmitunud oma liidri Sjahriri ümber ja kes nõudsid läänelikku tüüpi parlamentliku demokraatia loomist ning 2) väikekodanlikud radikaalid eesotsas Ibrahim Gelar Datuk Tan Malakaga, [66] kes marksistliku fraseoloogiaga manipuleerides pürgisid anarhismile kalduva režiimi suunas.

Leidmata vajalikku toetust ka Hatta poolt, [67] oli Sukarno sunnitud järele andma. 10. oktoobri 1945.a. dekree-

---

63 Republik Indonesia. Kotapradja Djakarta Raya , s.l. ja s.a., hal. 120. Partei peamiseks eesmärgiks oli riigi ja rahva ühtsuse tugevdamine (vt.: Kolonel A.H. Nasution, Tentara Nasional Indonesia, I, Bandung-Djakarta, 1963, hal. 107).

64 Basic Information on Indonesia [Djakarta, 1953], p.43.

65 1945. aasta konstitutsioon andis presidendile peaaegu piiramatu võimutäiuse, mis faktiliselt veelgi suurenes seetõttu, et president seisis valitsuse eesotsas, nimetas suvaliselt ametisse kõik kõrgemad riigiametnikud (sealhulgas ka KNIP liikmed) ning andis välja seadusjõulisi dekreete (vastavalt nn. ajutiste sätete 4. paragrahvile, mis olid lisatud konstitutsioonile).

66 Ibrahim Gelar Datuk Tan Malaka (1893-1949) oli väikekodanliku natsionalismi radikaalse tiiva liider; aastail 1920-1927 oli kuulunud Indoneesia Kommunistlikku Parteisse, siis aga lahkunud sealt, süüdistatuna trotskismis; kuni 1945.a. augustini viibis emigratsioonis.

67 Oma 23. aug. 1945.a. kirjutatud artiklis "Indoneesia eesmärgid ja ideaalid" (M. Hatta. Verspreide Geschriften, blz. 311-313) astus Hatta välja autokraatia vastu.

diga anti KNIP-le legislatiivvõim,[68] 20. oktoobril 1945 aga loodi KNIP Töökomitee (Badan Pekerdja), mis "koos presidendiga" pidi kindlaks määrama "riigi poliitika üldised põhijooned" ning välja andma "valitsemise kõigisse aladesse puutuvaid seadusi".[69] Töökomitee esimeheks valiti Sjahrir, aseesimeheks Mr. Amir Sjarifuddin.[70]

Järgmise sammuna avaldati 3. novembril 1945 Hatta allkirjaga dekreet poliitiliste parteide ofitsiaalse tegevuse lubamise kohta.[71] Otsekohe järgnes palavikuline tegevus kõige erinevamates poliitilistes ringkondades. Lühikese ajaga formeerus mitukümmend poliitilist parteid.[72]

Ühena esimestest loodi 7. novembril 1945 Indoneesia Muhameedlaste Liitude Nõukogu - Masjumi (Madjelis Sjuro Muslimin Indonésia).[73] Sellesse ühines 11 mitmesugust islami organisatsiooni,[74] mistõttu partei sotsiaalne koosseis kujunes väga heterogeenseks.[75] Poliitiliselt oli Masjumi samuti ebaühtlane: eksisteeris terve rida erinevaid voole (nn. religioossed sotsialistid[76], ortodoksed

---

68 Dekreedi tekst vt.: Koesnodiprodjo. Op. cit., hal. 58.

69 Ibid, hal. 59.

70 Mr. Amir Sjarifuddin (1907-1948) - indoneesia kommunist (a-il 1935-1948 tituleeris end ametlikult "pahempoolseks sotsialistiks" taktikalistel kaalutlustel), üks Jaapani-vastase illegaalse liikumise juhte.

71 Dekreedi tekst vt.: Koesnodiprodjo. Op. cit., hal. 76.

72 Sukarno mälestuste järgi tekkis neid üle 40 (Sukarno. An Autobiography, p. 265), ofitsiaalses nimekirjas figureerib aga vaid 29 parteid (Illustrations of the Revolution, p. XXVI).

73 Kepartaian di Indonesia, hal. 14.

74 T. Kerstiens. The New Elite in Asia and Africa. - A Comparative Study of Indonesia and Ghana. New York, 1966, p. 144.

75 Seejuures moodustasid partei liikmeskonna põhiliselt islami demagoogiast petetud talupojad.

76 Nn. religioossed sotsialistid moodustasid Masjumi "vasema" tiiva põhijõu (liidrid: Natsir, Sjafruddin,

muhameedlased,[77] vanad islami natsionalistid,[78] darulislamlased[79] jne.). Sellele vaatamata suutis Masjumi saavutada suure mõju Indoneesias.

Samal päeval (7. nov. 1945) teatas oma eksisteerimisest legaalne Indoneesia Kommunistlik Partei - PKI (Partai Komunis Indonésia), mis oli asutatud juba 21. oktoobril 1945.[80]

9. novembril 1945 loodi Indoneesia Töölispartei - PBI (Partai Buruh Indonésia); tema baasiks sai septembris tekkinud töölisorganisatsioonide liit Indoneesia Töölisrinne (Barisan Buruh Indonésia)[81] ning oma edasises tegevuses kujunes see partei marksistlikuks.

Rum, Wibisono). Esindades indoneesia (eelkõige mittejaava) kaubandusliku suurkodanluse neid gruppe, kes olid seotud väliskapitaliga, püüdsid nad samal ajal opereerida pseudosotsialistlike ideedega islamile rajatud sotsiaalsest õiglusest, sotsialismi ja kapitalismi kokkusobitamisest jne. (vt. G. McKahin. Some Aspects of Indonesian Politics and Nationalism, pp. 3-6).

77 Ortodokssed muhameedlased moodustasid peamiselt organisatsiooni "Nahdatul Ulama" (Ulemaade Liit) tuumiku; nad esindasid eelkõige Jaava konservatiivset vaimulikkonda ning viimase mõju all olevaid talupoegi; kaitsesid "islami puhtuse" põhimõtet (vt. Kepartaian dan parlementaria Indonesia. Djakarta, 1954, hal. 409-426).

78 Vanad islami natsionalistid väljendasid peam. jaava tööstusliku ja kaubandusliku kodanluse huve, seistes oma vaadetelt lähedal ortodokssetele muhameedlastele (G. McKahin. Nationalism and Revolution in Indonesia, pp. 157-158).

79 Dar-ulislamlased esindasid peam. Lääne-Jaava suurmaaomanikke ja nendega seotud ringkondi; nõudsid feodaalsetel suhetel baseeruva teokraatliku riigi rajamist.

80 J. M. van der Kroef. The Communist Party of Indonesia. Its History, Program and Tactics, p. 29.

81 I. Tedjasukmana. The Political Character of the Indonesian Trade Union Movement. Ithaca, 1959, pp. 18-20.

Järgnevatel nädalatel formeerus mitmeid väiksemaid parteisid: Indoneesia Talurahvapartei, Indoneesia Kristlik Partei, Indoneesia Vabariigi Katoliiklik Partei, Rahva Naistepartei jt. 17. detsembril 1945 toimus kahe sotsialistliku partei [82] ühinemine ühtseks Sotsialistlikuks Parteiks - PS (Partai Sosialis) [83] - samm, mille indoneesia kommunistid hiljem hukka mõistsid kui ebaõige, kuna tegemist oli marksistide ja parempoolsete sotsialistide ühinemisega ühisesse parteiorganisatsiooni. [84] Sotsialistliku Partei liidriks sai Sjahrir.

Viimane Indoneesia suurematest parteidest - Indoneesia Rahvuslik Partei - PNI (Partai Nasional Indonésia) - kujunes välja alles 1946. aasta veebruaris. Kediri kongressil (29. jaan. - 1. veebr. 1946) toimus mitmete väikeste parteide ja muude organisatsioonide [85] ühinemine ühtse programmiga rahvuslikuks parteiks. [86] PNI sotsiaalne koosseis kujunes mitmekesiseks: siia kuulus pahempoolsete vaadetega rahvusliku keskkodanluse gruppe, riigiametnikke, revolutsioonilist väikekodanlust, töölisi, haritlasi, õppivat noorsugu jne. [87] Vastavalt sellele kujunesid parteis välja ka mitmed poliitilised voolud (konservatiivid, radikaalid jne.).

---

82 Novembris Sjarifuddini juhtimisel tekkinud Indoneesia Sotsialistlik Partei ja Sjahriri poolt loodud Sotsialistlik Rahvapartei.

83 Basic Information on Indonesia, p. 49.

84 Vt. Djalan baru untuk Republik Indonesia. - "Suplemén I dari buku dan lampiran fakta dan dokumen untuk menjusun buku "Indonésia memasuki gelanggang internasional", periode III: dari proklamasi kemerdekaan 17-8-1945 sampai pengakuan kedaulatan, achir Desember 1949", XI, Djakarta s.a., hal. 1.

85 Djakarta raadio andmeil ca 40 (В. Васильева. События в Индонезии. - "Мировое хозяйство и мировая политика", 1946, № I/2, стр. 92).

86 Kepartaian dan parlementaria Indonesia, hal. 21.

87 Vt. Н.А. Симония. Буржуазия и формирование нации в Индонезии, стр. 114; G. McKahin. Nationalism and Revolution in Indonesia, pp. 155-156.

Paljuparteilise süsteemi tekkimine oli Indoneesia konkreetsetes oludes objektiivseks vajaduseks: ta aitas kaasa patriootlike jõudude koondumisele valitsuse ümber võitluses kolonialismi ja imperialismi vastu, lõi (kuigi killustatud) organisatsioonilise baasi ühtsele rahvusrindele, andis revolutsioonilistele jõududele võimaluse legaalseks organiseerumiseks ja tegevuseks.[88] Kahjuks ei suutnud indoneesia kommunistid neid võimalusi õigesti hinnata: Indoneesia Kommunistlik Partei, jäädes illegaalsesse olukorda, killustas oma jõud, saates nad tööle mitmesse legaalselt tegutsevasse parteisse (PS, PBI, legaalne PKI, Sumatra PKI) ning valis ebaõige koostöötaktika teiste rahvuslike jõududega.[89] Selle poliitika tagajärjed olid PKI võitlustugevusele negatiivsed.

Relvastatud võitluse algus

Poliitiliste parteide süsteemi kujunemine toimus Indoneesiale äärmiselt pingelises välispoliitilises situatsioonis. 29. septembril 1945.a. oli alanud Inglise väegede maalesaatmine Djakartas, seejärel ka teistes suuremates sadamalinnades. Ofitsiaalselt tulid need väed selleks, et desarmeerida jaapanlasi ning vabastada interneeritud ja

---

88 Ei saa nõustuda mõnede PNI liidrite hilisema seisukohaga, et 3. novembri 1945.a. dekreet "kujutas endast suurt viga" (vt. Juti. Arti partai bagi negara demokrasi. - "P.N.I. dan perdjuangannja", [Djakarta, 1960], hal. 66).

89 PKI vead olid tingitud sellest, et ta "astus 1945.a. Augustirevolutsiooni ilma vajaliku ettevalmistuseta. See toimus sellepärast, et parteil ei olnud teoreetilisi teadmisi revolutsiooni iseloomu kohta Indoneesias, ei olnud kogutud töökogemusi rahvusrinde loomise ja partei ülesehitamise alal ja lisaks sellele ei evinud relvastatud võitluse kogemusi" (Д.Н. Айдит. Уроки истории Коммунистической партии Индонезии. - "Избранные произведения. Статьи и речи". Москва, 1962, стр. 719; ühes intervjuus 3. okt. 1960 tõi D.N. Aidit ühe põhjuse-

sõjavangid.[90] Tegelikult aga (vastavalt Hollandi-Inglise salajasele kokkuleppele 24. aug. 1945[91]) lisandus sellele kohustus aidata kaasa Hollandi koloniaalse ülemvõimu taastamisele Indoneesias. Nimetatud kohustuse täitmiseks rakendatud abinõud (Hollandi vägede maabumise soodustamine[92], katsed desarmeerida Indoneesia relvastatud üksusi[93]) viisid peagi ägedate kokkupõrgeteni, mis kulmineerusid Surabaja lahingus (10.-27. nov. 1945).[94]

Surabaja lahing resoneeris üle kogu maa, kutsudes esile massilise patriotismitunde tõusu ja rahvusliku ühisrinde tugevnemise. Surabajalastele saabus abi kõikjalt: Jaava kaugetest nurkadest, Sumatralt, Kalimantanilt, Sulawesilt, isegi Lääne-Irianist.[95] Surabaja ründamise vastu Inglise vägede poolt avaldas protesti 9. novembril 1945.a. Djokja-

---

na esile ebaõige hinnangu Indoneesia rahvusvahelisele olukorrale ning sõltumatuse säilitamise perspektiividele (vt. A.C. Brackman. Indonesian Communism. A History. New York, 1963, pp. 53-54).

90 Vt. Inglise välisministri Ernest Bevini avaldus 23. nov. 1945.a. - "The Times", 24. XI 1945.

91 Vt. H.J. van Mook. Op. cit., p. 185.

92 1945.a. lõpuks oli Indoneesiasse jõudnud juba ca 20 000 hollandi sõdurit (Mr. De. C. Smit. De liquidatie van een imperium. Nederland en Indonesië 1945-1962. Amsterdam, 1962, blz. 26).

93 Indoneesia regulaararmee loomisele asuti 22. aug. 1945, mil loodi Rahva Julgeoleku Korpus (Badan Keamanan Rakjat); 5. okt. 1945 nimetati ta ümber Rahva Julgeoleku Armeeks (Tentara Keamanan Rakjat).

94 Olukord Surabajas muutus teravaks juba okt. lõpul seoses lendlehtede levitamisega hollandlaste poolt (27. okt. 1945), milles nõuti indoneeslaste viivitamatut desarmeerimist (I.N. Djajadiningrat. The Beginning of the Indonesian-Dutch Negotiations and the Hoge Veluwe Talks. Ithaca, 1958, p. 36), kuid vahetuks ajendiks lahingule sai kindral Mallaby hukkumine ühes kokkupõrkes indoneeslastega (30. okt. 1945) ja sellele järgnenud Inglise väejuhatuse ultimaatum (9. nov. 1945), mis nõudis Surabaja elanikelt relvade loovutamist (ultimaatumi tekst vt. D. Wehl. The Birth of Indonesia. London, 1948, pp. 64-65).

95 O. Raliby. Sedjarah hari pahlawan. Djakarta, 1952, hal. 55.

kartas kokkutulnud Indoneesia noorsoo kongress,[96] mille 629 delegaati[97] esindasid 15 noorsoo-organisatsiooni üle kogu arhipelaagi.[98] Paljud delegaadid sõitsid otse kongressilt Surabajasse.[99]

Surabaja lahing oli indoneeslaste patriotismi, kangelaslikkuse ja monoliitsuse eredaks väljenduseks. Inglasi üllatas Surabaja noorukite surmapõlgavus, kes bambusodade, parang'ide[100] ja krissidega[101] käes sööstsid vastu tankidele; esmakordselt tunnetasid nad indoneeslaste vabadusiha, nende ideaalide suurt jõudu.[102]

"Kaugel Indoneesia piiride taga on tuntud Surabaja noorsoo kangelastegu - 10. november 1945.a.," rääkis K.J. Vorošilov oma visiidil Indoneesias 15. mail 1954 Surabajas massimiitingul peetud kõnes, "kui indoneesia patrioodid andsid siin otsustava vastulöögi kolonisaatoritele, kes püüdsid uuesti tagasi tuua oma võimu ning ikestada indoneesia rahvast."[103]

Kuigi Indoneesia üksused olid lõpuks sunnitud Surabajast taanduma, oli see vaid uute kokkupõrgete proloogiks.

---

96 Protesti tekst vt.: A.M. Hardjono. Dokumentasi perdjuangan pemuda Indonesia 1915-1950. Medan, 1950, hal. 40.

97 Republik Indonesia. Daerah Istimewa Jogjakarta , s.l. ja s.a., hal. 364.

98 Hardjito. Risalah gerakan pemuda. Djakarta, 1952, hal. 33.

99 The XIV Anniversary of Heroes Day. November 10th, 1959. Address by H.E. President Sukarno at the Mass Rally in Jogjakarta, Djakarta, 1959, p. 14.

100 Umbes poole meetri pikkune nuga.

101 Kaheteraline, sageli lookeline pistoda.

102 J. Fabricius. Java revisited. London, 1947, p. 94.

103 Пребывание К.Е. Ворошилова в Китае, Индонезии, Вьетнаме и Монголии. - Сборник материалов. Москва, 1967, стр. 113.

Hollandi sõdurite metsikused [104] ja inglaste poolt sageli rakendatud "põletatud maa taktika" [105] teravdasid üha olukorda. Pingeline situatsioon valitses Djakartas. Tulistamised olid siin üsna tavalised; poolteise kuu jooksul (1. nov. - 19. dets. 1945) tapeti Hollandi sõdurite poolt 108 indoneeslast. [106] 21. novembril korraldati atentaat Mr. Mohammed Rumile, [107] 26. detsembril aga peaminister [108] Sjahririle. [109] Võttes ettekäändeks korra tagamise vajaduse, hõivasid inglise langevarjurid 29. detsembril 1945.a. kõik Djakarta tähtsamad tsentrumid.[110]

Indoneesia Vabariigi juhtkonna viibimine Djakartas muutus nendes tingimustes väga ohtlikuks. Tekkis vajadus pealinna üleviimiseks sisemaale. Ent mitte kõik linnad ei sobinud pealinnaks. Pärast mõningat kaalutlemist langes valik Djokjakartale[111] ning ööl vastu 4. jaanuari 1946 lahkus Sukarno koos perekonnaga salaja Djakartast.

---

104 Eriti paistsid silma nn. Hollandi-India Tsiviiladministratsiooni - NICA (Nederlands Indische Civiel Administratie) üksused, keda nimetati Kuninglikuks Hollandi-India Armeeks - KNIL (Koninklijke Nederlands Indische Leger).

105 J. Thompson. Hubbub in Java. Sydney, 1946, pp. 68-69.

106 Ibid., p. 35.

107 Mr. Mohammed Rum (sünd. 1908.a.) oli üks nn. religioossete sotsialistide liidreid, Masjumi partei asutajaid.

108 Pärast seda kui KNIP Töökomitee 11. nov. 1945 nõudis Sukarnolt presidentaalse kabineti erruminekut, tegi viimane valitsuse kujundamise ülesandeks Sjahririle; 14. nov. 1945 loodigi Indoneesia esimene parlamentlik kabinet, kus Sjahrir oli üheaegselt pea-, välis- ja siseministriks (Kabinet - kabinet Republik Indonesia, hal. 18).

109 Lukisan revolusi rakjat Indonesia, hal. 352.

110 "Правда" , 30. dets. 1945.

111 Djokjakarta valikul arvestati nii ta geograafi-

Järgmisel päeval deklareeriti Djokjakartas ofitsiaalselt pealinna üleviimisest vabariigi juhtkonna julgeoleku parema kindlustamise ja riigi siseküsimuste efektiivsema lahendamise huvides. [112] Peagi järgnesid presidendile teised valitsusorganid; Djakartasse jäi vaid välisministeerium.

Algas vabariigi nn. Djokjakarta-periood.

Sisepoliitilised komplikatsioonid 1946. aastal

Pealinna üleviimine Djokjakartasse tugevdas liberaalse suuna mõju valitsusasjadele: Sjahrir sai senisest vabamad käed läbirääkimisteks hollandlastega, mis olid inglaste vahendusel alanud 17. novembril 1945, [113] samal ajal kasvas parempoolsetele sotsialistidele sümpatiseeriva Hamengku Buwono IX [114] tähtsus riigiasjade lahendamisel.

See oli otseseks löögiks väikekodanlike radikaalide võimuhaaramise illusioonidele. [115] 4. jaanuaril 1946 Purwokertos alanud Indoneesia poliitiliste ja sõjaliste organisatsioonide konverentsil esines Tan Malaka program-

---

list asendit, ligipääsetavust kui ka sultan Hamengku Buwono IX teeneid revolutsiooni ja vabariigi ees (vt. Современная Индонезия, Москва, 1955, стр. 78).

112 I.N. Djajadiningrat. Op. cit., p. 79.

113 Ibid., pp. 44–45.

114 Vt. И. Вольф. В стране тысячи островов. Индонезия сегодня. Путевые заметки. Москва, 1954, стр. 119.

115 Tan Malaka võimuambitsioonid olid alanud juba 1945.a. sügisel; 1. okt. 1945 oli ta saavutanud Sukarno ja Hatta poolt nn. poliitilise testamendi allakirjutamise (tekst vt. Mr. Moh. Yamin. Sapta dharma, hal. 21–22); selle dokumendiga nimetasid Sukarno ja Hatta endi poliitilisteks pärijateks Tan Malaka, Sjahriri, Iwa Kusuma Sumantri ja Wongsonegoro; midagi rohkemat Tan Malakal ei õnnestunud saavutada.

milise kõnega, milles ta ägedalt rünnas Sjahriri läbirääkimistepoliitikat. "Me ei taha pidada vargaga läbirääkimisi meie oma majas," deklareeris ta.[116] Ta kriipsutas alla, et vabaduse säilitamise ja kindlustamise ainsaks teeks on võitlus, võitluse edukuse pandiks aga - rahvuslik monoliitsus. Rahvusliku konsolidatsiooni huvides pani Tan Malaka ette luua ühtne koostöö-organisatsioon - Võitlusliit - PP (Persatuan Perdjuangan). Edasi nõudis ta paljuparteilise süsteemi likvideerimist ja 1. novembri 1945.a. poliitilises manifestis[117] formuleeritud väliskapitali tegevusvabaduse printsiibi asendamist välismaalastele kuuluvate ettevõtete konfiskeerimise ja rahvale jagamise põhimõttega.

Tan Malaka kirglik kõne avaldas mõju. 5. jaanuaril 1946 rajatigi alus Võitlusliidule, millega järk-järgult ühines 143 mitmesugust organisatsiooni (sealhulgas kõik suuremad poliitilised parteid).[118] Mõneks ajaks ühinesid taktikalistel kaalutlustel Võitlusliiduga ka Sotsialistlik Partei ja teda toetav noorsoo-organisatsioon Indoneesia Sotsialistlik Noorsugu - Pesindo (Pemuda Sosialis Indonésia).[119]

14. jaanuaril 1946 tuli Surakartasse kokku Võitlusliidu uus kongress. Siin töötati välja PP nn. miinimumprogramm: 1. Läbirääkimisi pidada ainult 100 %-lise sõl-

---

116 Kõne tekst vt.: "The Voice of Free Indonesia", 1946, No. 4, pp. 7-9.

117 Manifesti tekst vt.: Drs. Susanto Tirtoprodjo SH. Op. cit., pp. 69-75; Hatta poolt allakirjutatud manifest oli Indoneesia Vabariigi valitsuse ametlikuks poliitiliseks platvormiks.

118 Basic Information on Indonesia, p. 54.

119 Pesindo oli tekkinud 10. novembril 1945. Djokjakartas Indoneesia noorsoo kongressil seitsme noorsooorganisatsiooni ühinemise resultaadina (vt. Hardjito. Op. cit., hal. 34).

tumatuse tunnustamise baasil. 2. Rahvavalitsus. 3. Rahvaarmee. 4. Jaapanlaste desarmeerimine. 5. Eurooplastest vangide vabastamine. 6. Konfiskeerida vaenlasele kuuluvad istandused. 7. Konfiskeerida vaenlasele kuuluvad tööstusettevõtted.[120]

Nimetatud programm, mis ofitsiaalselt kinnitati jaanuari lõpul 1946,[121] ei suutnud siiski kujuneda üldrahvuslikuks programmiks, kuigi Võitlusliidul oli oma esimesel tegevusperioodil (jaan.-märts 1946) väga tugev külgetõmbejõud ning Sjahriri positsioon muutus isegi niivõrd „täbaraks"[122], et KNIP Töökomitee oli sunnitud ametlikult heaks kiitma Võitlusliidu tekkimise.[123] PP programmi põhiliseks puuduseks oli tema esimese punkti formulatsioon, mis välistas igasugused kompromissivõimalused. Sellest formulatsioonist õhkus avantürismi,[124] mis polnud vastuvõetav kainelt mõtlevatele rahvuslikele jõududele, kuigi 100 %-lise sõltumatuse loosung oli rahvamassides väga populaarne. Lisaks sellele nähti programmi teise ja kolmanda punkti taga (ning mitte ilma aluseta) Tan Malaka ja tema poolehoidjate võimutaotlusi, mis samuti kutsusid esile negatiivseid reaktsioone.[125]

---

120 Illustrations of the Revolution, p. III.

121 Mr. Moh. Yamin. Sapta dharma, hal. 90.

122 "The Economist", 1946, No. 5351, p. 411.

123 Mr. Moh Yamin, Sapta dharma, hal. 90-91.

124 Jõudude suhe oli ilmselt indoneeslaste kahjuks: arhipelaagis viibis ca 100 000 Inglise sõdurit (В.Г. Трухановский, Новейшая история Англии, Москва, 1958, стр. 474), üle 20 000 Hollandi sõduri (Leslie H. Palmier. Indonesia and the Dutch. London, 1962, p. 50) ning rohkem kui 200 000 Jaapani sõdurit (Charles Wolf Jr., The Indonesian Story: the Birth, Growth and Structure of the Republic of Indonesia. New York, 1948, p. 18), keda võidi rakendada (ja rakendatigi) indoneeslaste vastu, kelle suhteliselt halvasti relvastatud üksustesse kuulus ca 150 000 meest (A.H. Nasution. Fundamentals of Guerilla Warfare. New York, 1965, p. 31).

125 Vt. P. Kattenburg. Political Alignments in Indonesia. - "Far Eastern Survey", 1946, No. 19, p. 293.

Võitlusliidu edasise tugevnemise takistamiseks otsustasid parempoolsed sotsialistid anda taktikalise löögi. 28. veebruaril 1946 esitas Sjahrir[126] ootamatult valitsuse lahkumisavalduse. Uue valitsuse kujundamise mandaat anti Tan Malakale, kes aga ei suutnud seda ülesannet täita kõigist pingutustest hoolimata. 2. märtsil 1946 sai valitsuse juhiks taas Sjahrir, kelle kabineti uues koosseisus ei olnud ühtegi PP liidrit, kuigi seal olid esindatud kõik Indoneesia suuremad parteid.[127] Valitsuse programm[128] oli koostatud nii, et ta võttis juriidilise aluse Võitlusliidu opositsioonilt; ta nägi ette: 1) läbirääkimisi 100 %-lise sõltumatuse baasil, 2) riigikaitse tugevdamist, 3) valitsemise demokratiseerimist, 4) toitlus- ja riietusprobleemi parandamist ning 5) konstitutsiooni 33. paragrahvi (riigi kontroll ettevõtete üle) elluviimist.[129]

Sjahrir ei piirdunud aga mitte üksnes nende manöövritega. 17. märtsil 1946 areteeriti Madiunis, kus toimus Võitlusliidu juhtide kokkutulek, Tan Malaka, Sukarni, Moh. Yamin, Chairul Saleh ja mitmed teised PP liidrid.[130] Tugevdati politseijõudusid ning politsei peavalitsus toodi Djakartast Purwokertosse, kus ta võis operatiivsemalt tegutseda.[131] Aprilli lõpul viidi läbi Võitlusliidu kohalike juhtide areteerimine Sumatral.[132] Analoogilised areteerimised toimusid mai I poolel "PP suures kindlu-

---

126 Kabinet-kabinet Republik Indonesia, hal. 18-20.

127 Portfellid olid jagatud järgmiselt: PS - 5, Masjumi - 2, PNI - 2, Pesindo - 1, Parkindo - 1, parteitud - 5.

128 Kabinet-kabinet Republik Indonesia, hal. 50.

129 Programm baseerus KNIP-lt saadud mandaadil (G. McKahin. Nationalism and Revolution in Indonesia, p. 177).

130 Kattenburg nimetab seda sammu "efektiivseks, kuigi illiberaalseks vastukäiguks" (P. Kattenburg. Op.cit., p. 293).

131 M. Oudang. Perkembangan kepolisian di Indonesia, [Djakarta, 1952], hal. 68.

132 Republik Indonesia. Propinsi Sumatera Tengah, s.l. ja s.a., hal 125.

ses" [133] Surakartas. 11. mail 1946 aga tegi valitsus teatavaks otsuse uue poliitilise koalitsiooni - Rahvusliku Kontsentratsiooni (KN - Kontsentrasi Nasional) kujundamise kohta.[134] Viimase esimeheks valiti Indoneesia Kommunistliku Partei liider Sardjono. [135]

Rahvusliku Kontsentratsiooni populaarsus kasvas kiiresti. Peale PKI toetasid teda veel paljud mõjukad organisatsioonid: Sotsialistlik Partei ja Pesindo (kes olid PP-st lahkunud juba veebruari algul [136]), Töölispartei, Masjumi, Indoneesia Töölisrinne, Indoneesia Talurahvarinne jne. [137] Võib ütelda, et KN kujunes "kõige laiemaks tööliste, paljumiljonilise maata ja väheste maaga talupoegkonna, linnakeskvistu, käsitööliste, intelligentsi ning osa rahvusliku kodanluse liiduks". [138]

Nendes tingimustes otsustasid Võitlusliidu juhid ja neid toetavad kõrgemad sõjaväelased võtta kurss riigipöördele. Kindralmajor Sudarsono korraldusel vabastati 31. mail 1946 Surakarta vanglast Võitlusliitu aktiivselt toetava Põhvliileegioni - BB (Barisan Banteng) liidrid. [139] Juuni

---

133 G. McKahin. Nationalism and Revolution in Indonesia, p. 185.

134 Ibid., p. 183.

135 29.-30. apr. 1946 toimus Surakartas PKI konverents, kus partei esimeheks valiti Sardjono, indoneesia kommunistide vanema põlvkonna üks liidreid , kes alles hiljuti (märtsis) oli tagasi jõudnud pikaajalisest maapaost; Surakarta konverentsi peavad mõned autorid illegaalse PKI legaliseerumise momendiks (vt. A.C. Brackman. Indonesian communism, p. 55; C.M. Kennedy. A History of Communism in East Asia. New York, 1957, p. 460); tegelikult aga säilis illegaalne PKI 1948. aastani (vt. M.H. Lukman. Tentang Front Persatuan Nasional. Djakarta, 1962, hal. 28).

136 H.J.H. Alers. Op. cit., blz. 113.

137 G. McKahin. Nationalism and Revolution in Indonesia, p. 184.

138 В. Васильева. Борьба за демократическое развитие Индонезийской Республики. - "Вопросы экономики", 1948, № I, стр. 82.

139 G. McKahin. Nationalism and Revolution

lõpul aga vabastati ka Tan Malaka ja teised PP juhid.[140] Samal ajal õnnestus vandenõulastel "röövida" Sjahrir (27. juunil 1946) ja isoleerida ta väikesesse Parasi mägilinna Surakarta lähedal.[141] Kiires korras viimistleti nüüd riigipöörde plaan ning 2. juulil ilmusid Sukarno juurde kindralmajor Sudarsono ja Yamin nõudma allkirja neljale dekreedile, mis "rahva ja armee nõudel" oleksid erru saatnud Sjahriri valitsuse, andnud Sudirmanile[142] kõrgema sõjalise võimu ning loodavale poliitilisele valitsusele kõrgema poliitilise võimu ja määranud ametisse koalitsioonivalitsuse PP liidrite poolt koostatud nimistu alusel.[143]

Ent riigipöördekatse kukkus läbi. Juhtivad vandenõulased areteeriti. Võitlusliit saadeti laiali ning ta lakkas olemast arvestatav faktor sisepoliitilisel areenil.[144] Valitsuse kui rahvusliku konsolideerumise tsentrumi positsioon kindlustus.

Linggadjati leping

Võitlusliidu purustamine andis valitsusele võimaluse häirimatult jätkata läbirääkimisi hollandlastega mõlemapoolsete järeleandmiste baasil.[145] 14. oktoobril 1946

---

in Indonesia, p. 187; Pühvlileegion oli irregulaarne relvastatud võitlusorganisatsioon, mis oli tekkinud juba jaapanlaste poolt loodud pelopor'ide (pioneeride) organisatsioonist 16. dets. 1945.a. BB juhiks oli Dr. Muwardi.

140 Ibid., p. 188.

141 Ibid., p. 189; Sjahriri vabastasid aga juba 1. juulil 1946 Pesindo väeosad ning 2. juulil jõudis Sjahrir tagasi Djokjakartasse (vt. L. Fischer, The Story of Indonesia. New York, 1959, pp. 94-95).

142 Sudirman (1912-1950) oli alates 18. dets. 1945 Indoneesia Vabariigi relvastatud jõudude ülemjuhatajaks, alludes formaalselt vaid presidendile.

143 Nende dekreetide tekstid vt.: Mr. Moh. Yamin. Sapta dharma, hal. 191, 193, 196, 198.

144 J. Mintz, Marxism in Indonesia.- "Marxism in Southeast Asia", ed. by F.N. Trager. Stanford, 1959, p. 215; PP koostisosad aga enamasti säilitasid oma positsiooni.

145 Pärast esimesi. n.-ö. pinda sondeerivaid kohtumisi

saavutati lõpuks kokkulepe vaherahu küsimuses,[146] 16. novembril 1946 aga parafeeriti Linggadjati leping.[147]

Vastavalt sellele lepingule tunnustas Hollandi valitsus Indoneesia Vabariiki de facto Jaava, Sumatra ja Madura saartel (artikkel 1). Indoneesia Vabariik, Borneo ja nn. Suur-Ida pidid föderatiivsel alusel ühinema suveräänseks ja demokraatlikuks Indoneesia Ühendriikideks, kusjuures etnilistele gruppidele oleks jäänud maksimaalne otsustamisvabadus (artiklid 2-5). Indoneesia Ühendriigid ja Hollandi Kuningriik pidid kujundama uniooni (artikkel 6), kus domineeriv seisund oli ette nähtud viimasele (artiklid 7-13). Välismaalaste privileegid kuulusid taastamisele, nende varandused tagastamisele (artikkel 14). Kuni uniooni ja föderatsiooni loomiseni pidi astutama mitmeid ettevalmista-

---

esitasid hollandlased 10. veebr. 1946 oma plaani Hollandi impeeriumi reorganiseerimiseks nn. demokraatliku partnerluse alusel Hollandi ja kavandatud Indoneesia föderatsiooni vahel (vt. R. Kennedy. Dutch Plan for the Indies. - "Far Eastern Survey", 1946, No. 7, p. 102). Kuigi see plaan oli "veel väga kaugel aktsepteeritavusest" (Ch. Wolf Jr. Op. cit., p. 36), võeti ta edasiste läbirääkimiste aluseks. Oma 13. märtsi 1946.a. noodis lükkas Sjahrir tagasi Hollandi föderatsiooniplaani ja nõudis Indoneesia Vabariigi tunnustamist kogu Indoneesia territooriumil, 27. märtsil 1946.a. aga nõustus ta nii föderatsiooniideega kui ka territoriaalsete kärbetega (nootide tekstid vt. H.J. van Mook. Indonesië. Nederland en de Wereld. Amsterdam, 1949, lk. 123-124, 126-129). 14.-24. apr. 1946.a. Hoge Veluwe's toimunud läbirääkimised siiski tulemusi ei andnud ja pärast uute nootide vahetamist mais-juunis soikusid kontaktid kuni sügiseni. 7. okt. 1946.a. uuesti alanud läbirääkimised aga viisid resultatiivsete tulemusteni.

146 Formaalne tulevahetuse lõpetamise küsk anti aga alles 4. nov. 1946.a.; tol ajal olid Inglise väed juba evakueerunud suuremast osast saarestikust, 30. nov. 1946 viidi evakueerimine lõpule ka Jaava ja Sumatra saartelt; ent hollandlased olid siia toonud juba ca 100 000 meest (vt. R. Kennedy and P.M. Kattenburg. Indonesia in Crisis. - "Foreign Policy Reports", 1948, No. 15, p. 177) ning need väed olid esmaklassiliselt relvastatud ja välja õpetatud, pealegi andsid inglased lahkudes neile üle oma varustuse (Ch. Wolf Jr. Op.cit., p. 27).

147 Lepingu tekst vt.: Lukisan revolusi rakjat Indonesia, hal. 385-387.

vaid samme: vähendatama relvastatud jõudusid, konsulteeritama, loodama ühiseid organeid jne. (artiklid 15-17).

Linggadjati lepingu parafeerimine kutsus Indoneesia rahvuslikes jõududes esile vastandlikke arvamusi. Sotsialistliku Partei juhtkond deklareeris, et lepingu eesmärgiks on tugevdada rahva monoliitsust ja luua võimalusi Indoneesia arendamiseks ja kindlustamiseks.[148] PKI Surakarta konverents (4.-5. dets. 1946) vaatles lepingu toetamist kui antud olukorras vajalikku taktikalist sammu.[149] Analoogiline positsioon on avaldatud ka „Vasema Tiiva" (Sajap Kiri)[150] 14. detsembri 1946.a. manifestis.[151]

Opositsioonilised rühmitused aga ründasid teravalt Linggadjati lepingut, nähes selles kapituleerumist Hollandi imperialismi ees. 12. detsembril 1946 lõid Linggadjati lepingu vastu väljaastuvad poliitilised jõud Indoneesia Vabariigi Kantsi - BRI (Bénténg Républik Indonésia), mis kujunes tugevaks poliitiliseks koalitsiooniks.[152] Siia ühinesid Masjumi, Indoneesia Rahvuslik Partei, Rahvapartei, Rahva Naistepartei ja teisi organisatsioone. BRI võitlusprogramm oli resoluutne: 1) selgitustöö Linggadjati lepingu vastu, 2) parlamendireform, 3) ettevalmistused uueks sõjategevuseks, 4) amnestia poliitvangidele, 5) BRI laiendamine ja tugevdamine.[153]

---

148 Republik Indonesia. Daerah Istimewa Jogjakarta , hal. 173.

149 Ibid.

150 Sajap Kiri oli pahempoolsete jõudude (PKI, PS, PBI, Pesindo jt.) poliitiliseks liiduks, mis hakkas kujunema 1946.a. suvel.

151 Republik Indonesia. Daerah Istimewa Jogjakarta, hal. 164-165.

152 G. McKahin. Nationalism and Revolution in Indonesia, p. 199.

153 Republik Indonesia. Daerah Istimewa Jogjakarta, hal. 177.

Opositsiooni kasvu soodustasid KNIL-i vägede jätkuvad metsikused [154] ja hollandlaste nn. Malino-poliitika,[155] mis viis separatismi kasvule.

Kartes, et Linggadjati leping jääb järgmisel KNIP istungjärgul ratifitseerimata, kavandas valitsus parlamendi reorganiseerimise plaani, mis realiseerus presidendi 29. detsembri 1946.a. dekreediga nr. 6.[156] Vastavalt sellele dekreedile kuulus KNIP liikmete arv suurendamisele 200-lt 513-le, kusjuures uusi liikmeid pidi nimetatama peamiselt parteitute hulgast. See andis võimaluse pahempoolsete jõudude tugevdamiseks parlamendis.[157]

Parempoolsed jõud eesotsas Masjumi liidritega avaldasid dekreedile tugevat vastupanu. Kuid Sukarno ja Hatta errumineku ähvardusel olid nad sunnitud taanduma. 2. märtsil 1947 KNIP reorganiseeriti ning kolm päeva hiljem oli Linggadjati leping ratifitseeritud.[158] Lepingu tseremoniaalne allakirjutamine toimus 25. märtsil 1947 Djakartas.

---

154 Nn. Seitsmenda detsembri diviisi väeosad Lõuna-Sulawesil kapten Westerlingi juhtimisel tapsid 7.-11. dets. 1946 ca 40 000 indoneeslast (vt. Dag., 11. Desember sepandjang masa, "Bingkisan nasional" kenangan 10 tahun revolusi Indonesia , hal. 84).

155 15. juulil 1946.a. kutsusid hollandlased Malino linna Sulawesil kokku Indoneesia kollaboratsionistlike ringkondade konverentsi, kus lepiti kokku Indoneesia Ühendriikide loomises; esimene marionetlik nn. Malino riik - Ida-Indoneesia (Negara Indonésia Timur) - moodustati 24. dets. 1946 (vt. A.A. Schiller. The Formation of Federal Indonesia 1945 - 1949, The Hague - Bandung, 1955, pp. 148-149).

156 Dekreedi tekst vt.: Republik Indonesia. Daerah Istimewa Jogjakarta, hal. 179-180.

157 Poliitiliste parteide osa parlamendis pidi langema 64,5 %-lt 43 %-le, seejuures põhiliste opositsioonierakondade (Masjumi ja PNI) osa 40 %-lt 20,5 %-le (liikmete üldarvust), kui Sajap Kiri parteidel oli siiani olnud poole vähem kohti kui Masjumil ja PNI-l, siis nüüd pidi ta saama ka 20,5 % kohtadest.

158 KNIP istungjärgu kohta vt. lähemalt: Parada Harahap, Sa'at bersedjarah, Djakarta, 1951.

Kui Sjahrir ja tema aatekaaslased lootsid parlamendireformi ja Linggadjati lepingu sõlmimise abil oma positsiooni tugevdada, siis arvestasid nad valesti.

Linggadjati leping ei lahendanud valitsevat pinevust. Tema üksikute sätete interpreteerimise pinnal tekkis üha uusi lahkhelisid [159] ning Sjahrir läks üha uutele mööndustele. [160] See põhjustas opositsiooni tugevnemist. Sjahriri toetamisest loobusid isegi Sajap Kiri parteid: 26. juunil 1947.a. vastuvõetud resolutsioonis avaldati peaministrile umbusaldust. [161] Sjahrir oli sunnitud minema erru (27. juunil 1947.a.).

30. juunil 1947 tegi Sukarno uue valitsuse kujundamise ülesandeks neljale formateur'ile (Sjarifuddin, Sukiman, Gani ja Setiadjit), kes 3. juulil 1947.a. avaldasid oma jõupingutuste resultaadina uue kabineti koosseisu.[162] Sellesse kuulus viis kommunisti: Sjarifuddin pea- ja kaitseministrina, Setiadjit peaministri asetäitjana, Abdulmadjid siseministri asetäitjana ning Wikana ja Maruto Darusman riigiministrina.[163] Rida portfelle sai äsja Masjumist eraldunud progressiivse kallakuga Indoneesia Islami Liidu Partei - PSII (Partai Sarékat Islam Indonésia).

Kuigi valitsusse kuulusid ka mõned konservatiivsete vaadetega poliitikud (Hamengku Buwono IX, H. Agus Salim,

---

159 Vt. A. Ross. Deadlock in Indonesia. - "Great Britain and the East", 1947, No. 1774, p. 42.

160 Vt. B.W.J., Nationalism in Indonesia. - "The World Today", 1948, No. 2, p. 57.

161 Republik Indonesia. Daerah Istimewa Jogjakarta, hal. 222.

162 Kabinet-kabinet Republik Indonesia, hal. 23-24.

163 Neist esimesed neli kuulusid illegaalse PKI liikmetena ofitsiaalselt kas PS-i (Sjarifuddin, Abdulmadjid) Pesindosse (Wikana) või PBI-sse (Setiadjit), Maruto Darusman aga oli legaalse PKI liige.

Dr. J. Leimena jt.), oli ta siiski eelkõige demokraatlike rahvuslike jõudude koalitsioonivalitsuseks. Sellest olid eemale jäänud Masjumi ja teiste BRI parteide parempoolsed liidrid, samuti Sjahriri lähimad mõttekaaslased. Sjarifuddini valitsuse formeerimine oli faktiliselt esimeseks tõsiseks tunnuseks rahvuslike jõudude algavast polariseerumisest, tekkivast lõhest rahvuslikus ühisrindes.

Ent esialgu jäi see protsess veel varjatuks. Kõikide tähelepanu oli pööratud üha kasvavale sõjaohule. Hollandlaste kurss Linggadjati lepingu annulleerimisele, mis oli alanud juba 1947. aasta algul,[164] võttis nüüd üha avalikuma ilme. Hollandi 29. juuni 1947.a. ja 16. juuli 1947.a. nõudmistes nihutati esiplaanile Indoneesiale kõige vähem vastuvõetav segapolitsei loomise kava.[165] Öösl vastu 21. juulit 1947 aga okupeerisid Hollandi väed ootamatu löögiga vabariiklikud asutused Djakartas ning järgmisel hommikul alustasid nad juba ammu planeeritud ulatuslikke sõjalisi operatsioone Jaaval ja Sumatral.[166]

Hollandlaste pealetung, mida nad ise nimetasid "politseiaktsiooniks", oli suunatud esmajoones majanduslikult tähtsate piirkondade hõivamisele.[167] Sellega loodeti muuta efektiivsemaks vabariigi suhtes kehtestatud blokaadi[168] ning teha indoneeslasi järeleandlikumaks.

---

164 W. Wyatt. Southwards From China. A Survey of South East Asia Since 1945. London, 1952, p. 172.

165 A.M. Taylor. Indonesian Independence and the United Nations. Ithaca, 1960, p. 37.

166 The History of the Armed Forces of the Republic of Indonesia. Djakarta, 1960, p. 17.

167 R. Kennedy. Truce in Indonesia. - "Far Eastern Survey", 1948, No. 6, p. 66; Leslie H. Palmier. Op. cit., p. 57.

168 Majanduslikku blokaadi alustati juba 1947.a. algul (L.K. Rosinger. The State of Asia. New York, 1951, pp. 415-416).

Kasutades oma sõjalis-tehnilist ülekaalu, õnnestus hollandlastel vallutada suured territooriumid Jaaval ja Sumatral. Kuid see edu, mis nõudis tõsiseid ohvreid,[169] jäi sisuliselt poolikuks: Indoneesia relvastatud jõud säilitasid 98 % oma võitlusjõust,[170] indoneeslaste poolt rakendatud "põletatud maa taktika"[171] ja hollandlaste tagalas tegutsevad arvukad partisanisalgad[172] takistasid nautimast võidu vilja. Lisaks sellele kutsus Hollandi "politseiaktsioon" kogu maailmas esile terava hukkamõistu.[173]

Indoneesia parempoolsed ringkonnad, kes niigi polnud rahul Sjarifuddini võimuletulekuga, ruttasid tekkinud olukorda kasutama oma huvides. Eriti aktiivselt tegutsesid Masjumi liidrid. Arendades populaarsuse suurendamise huvides ägedat Hollandi-vastast kampaaniat ning püüdes oma juhtimise alla ühendada mitmesuguseid islami voole ja organisatsioone,[174] tugevdasid nad survet valitsusele. Novembris õnnestus neil saada neli ministriportfelli Sjari-

169 "Esimene politseiaktsioon" läks hollandlastele maksma ca 10 000 meest (В.А. Вальков. Индонезия на пути развития. Москва, 1960, стр. 73).

170 Soekarno. Dibawah bendera revolusi. Djakarta, s.a., hal. 34.

171 J.Chaudhry. The Indonesian Struggle. Lahore, 1950, p. 159.

172 The History of the Armed Forces of the Republic of Indonesia, pp. 17-18.

173 India ja Austraalia valitsuste ettepanekul algas 31. juulil 1947.a. Julgeolekunõukogus "Indoneesia probleemi" taasarutamine (esmakordselt oli päevakorras Ukraina NSV ettepanekul 1946.a. veebruaris); küsimuse lahendamiseks loodi nn. Heade Teenete Komisjon, mis alustas tööd 20. okt. 1947 (vt. A.M. Taylor. Op. cit., pp. 66).

174 C.A.O. van Nieuwenhuijze. Aspects of Islam in post-Colonial Indonesia. The Hague, 1958, pp. 168-170.

fuddini reorganiseeritud kabinetis.[175] 1948.a. jaanuaris aga, kasutades ära Indoneesiale ebasoodsate Renville'i kokkulepete sõlmimist,[176] tekitasid nad kunstlikult valitsuskriisi ja sundisid Sjarifuddini 23. jaanuaril 1948 lahkuma ametist.[177]

Ühtse rahvusrinde lagunemine

Uue valitsuse kujundas 29. jaanuaril 1948 asepresident Hatta.[178] Selle koosseisus polnud ühtegi pahempoolset rahvuslast. Domineerisid Masjumi liidrid: Sukiman siseministrina, Natsir informatsiooniministrina, Sjafruddin õitsenguministrina ja Masjkur religiooniministrina. PNI sai neli portfelli, katoliiklased ja protestandid kumbki ühe portfelli. Hamengku Buwono IX nimetati riigiministriks. Hatta ise võttis endale pea- ja kaitseministri portfellid.

Uue valitsuse programm, mis avaldati 16. veebruaril 1948. aastal,[179] oli lühike: 1) läbirääkimiste jätkamine Renville'i kokkulepete baasil, 2) Indoneesia Ühendriikide loomise kiirendamine, 3) ratsionaliseerimine,[180] 4) riiklik ülesehitustöö.

---

175 Kabinet-kabinet Republik Indonesia, hal. 25-26.

176 USA transportlaeva "Renville" pardal sõlmiti 17. jaan. 1948 põhikokkulepe ja 19. jaan. 1948 nn. Täiendavad printsiibid (tekstid vt. Lukisan revolusi rakjat Indonesia, hal. 387-388).

177 Keesing's Contemporary Archieves, vol.VII (1948-1950), London, 1950, p. 9734.

178 Kabinet-kabinet Republik Indonesia, hal. 27-28.

179 M. Hatta. Mendajung antora dua karang. Djakarta, 1951, hal. 5-6.

180 Ratsionaliseerimise all mõisteti eelkõige relvastatud jõudude reorganiseerimist ja vähendamist (vt. lähemalt Р.Э. Севортян. Политическая роль армии в Индонезии 1945-1957. Москва, 1966, стр. 136-145. Dissertatsioon, käsikiri).

Hatta valitsuse poliitiline platvorm sai revolutsioonniliste patriootlike ringkondade terava kriitika osaliseks. Hatta poliitikas nägid nad katset suunduda rahvusliku ühtsuse lõhestamise, Indoneesia revolutsiooni demokraatlike traditsioonide hülgamise ja pahempoolsete tendentside lämmatamise teele. Seda seisukohta kinnitas parempoolsete sotsialistide avalik üleminek valitsuse leeri: 12. veebruaril 1948 lõhestasid nad Sotsialistliku Partei ja Sajap Kiri, luues oma Indoneesia Sotsialistliku Partei - PSI (Partai Sosialis Indonésia), mis keeldus koostööst kommunistidega.[181]

Parempoolsete jõudude pealetung sundis pahempoolseid ringkondi otsima uusi võimalusi oma ridade konsolideerimiseks. 26. veebruaril 1948.a. toimus Surakartas Sajap Kiri reorganiseerimine Rahva Demokraatlikuks Rindeks - FDR (Front Demokrasi Rakjat).[182] Siia ühinesid legaalne ja illegaalne PKI, Pesindo, PBI ja Indoneesia juhtiv ametiühingukeskus SOBSI (Séntral Organisasi Buruh Seluruh Indonésia).[183] Juhtiv osa FDR-is kuulus kommunistidele: organisatsiooni esimeheks valiti Sjarifuddin,[184] täitevkomitee sekretäriks Dipa Nusantara Aidit,[185] informatsiooni-

---

181 S. Sjahrir. Indonesian Socialism, p. 37; akad. A.A. Guber märgib, et Sjahriri ja PSI areng kinnitab, et parempoolsed sotsialistid kuuluvad koloniaalmaades reaktsiooniliste jõudude avangardi (А.А. Губер. Индонезийский народ в борьбе за независимость, стр. 172).

182 A.C. Brackman. Indonesian Communism, p. 72.

183 Mõningatel andmetel kuulusid siia ka mitmed talurahvaorganisatsioonid (vt. V. Thompson, R. Adloff. The Left Wing in Southeast Asia. New York, 1950, p. 181).

184 Sitorus'e andmeil oli FDR-i faktiliseks juhiks kommunist Tan Ling Djie (L.M. Sitorus. Op. cit., hal.62).

185 Dipa Nusantara Aidit (1923-1965) oli Indoneesia kommunistliku liikumise tegelane, alates 1947 - PKI Keskkomitee liige, 1954 - peasekretär, 1959 - partei esimees; hukkus 1965.a. repressioonide käigus.

sektsiooni juhiks Njoto.[186]

Rahva Demokraatliku Rinde eesmärgiks oli kõigi patriootlike jõudude koondamine vastupanuks ühe tugevnevale Hollandi survele, ühtse rahvusrinde säilitamine ja tugevdamine, tööliste ja talupoegade huvide kaitsmine.[187]

FDR-i pingutusi rahvusliku ühtsuse säilitamisel toetas ka president Sukarno. Hüljates Masjumi liidrite plaani luua rahvusrinne ilma kommunistideta,[188] tegi Sukarno ettepaneku töötada välja kõigi poliitiliste jõudude ühine tegevusprogramm. See mõte sai teoks mai teisel poolel. 20. mail 1948 avaldati Djakjakartas 20 partei ja muu organisatsiooni[189] poolt allakirjutatud „Rahvuslik programm" (Program Nasional)[190]. Programmis olid formuleeritud[192] põhimomendid majandusliku arengu,[191] sotsiaalsete suhete,

---

186 Njoto (1925-1966) oli üks noorsoo vastupanuliikumise juhte a. 1942-1945; ühines 1945.a. Indoneesia Kommunistliku Parteiga, alates 1948. KK Poliitbüroo liige.

187 FDR-i programm, mis avaldati märtsi keskel, nõudis Linggadjati ja Renville'i lepingute annulleerimist ning läbirääkimiste lõpetamist Hollandiga, samuti väliskapitali natsionaliseerimist (vt. Prof. Cheng Hsueh-chia, Wither Indonesia? PKI and CCP, Taipei, 1960, p.6); need nõudmised, mille esitamine oli ennatlik, kutsusid parempoolsetes ringkondades esile võrdlusi Tan Malaka plaanidega (vt. H.J.H. Alers. Op.cit., blz. 195).

188 1. apr. 1948 olid Masjumi liidrid teinud katse luua parempoolsete poliitiliste jõudude koalitsioon Rahvusrinde (Front Nasional) nime all (V. Thompson, R. Adloff. Op. cit., p. 181).

189 Sealhulgas legaalne PKI, Masjumi, PNI, PS, PSI, PBI, PSII jt. parteid (Lukisan revolusi rakjat Indonesia, hal. 363).

190 Programmi tekst vt. Program Nasional, "Suplemén I dari buku dan lampiran fakta dan dokumen untuk menjusun bukn "Indonésia memasuki gelanggang internasional", periode III: dari proklamasi kemerdekaan 17.8.1945 sampai pengakuan kedaulatan, achir Desember 1949", XI, Djakarta s.a.

191 Väliskapitali natsionaliseerimise asemel oli siin mõõdukam "rahva väliskapitali ikkest vabastamise" nõue.

192 Nõuti feodaalsete igandite likvideerimist, tööseadusandlust, koopereerimist, rahva elutingimuste parandamist.

rahvusliku kaitse,[193] sise- ja välispoliitika [194] ning kultuuri [195] valdkonnas. Algasid taas läbirääkimised valitsuse reorganiseerimiseks laiemal koalitsioonilisel alusel. [196] Ent ühtse rahvusrinde säilitamisest ei tulnud midagi välja. Rahvuslik kodanlus ei olnud sellest enam huvitatud, osa väikekodanlusest läks temaga kaasa, [197] proletariaat aga oli veel väga nõrk, killustatud ja ei evinud küllaldaselt tihedaid sidemeid teiste revolutsioonilis te jõududega. [198]

Hatta ümber grupeerunud parempoolsed rahvuslikud jõud keeldusid koalitsioonist kommunistidega. Kertes revolutsioonilis te tendentside tugevnemist, [199] võtsid nad 1948. aasta suvel kursi reivastatud kokkupõrgete provotseerimise-

---

193 Püstitati põhimõte, et nn. ratsionaliseerimine peab toimuma ainult rahvusliku kaitse tugevdamise huvides (Hatta valitsus aga kavatses sel teel likvideerida revolutsioonilised mõjud sõjaväes).

194 Rõhutati rahvusliku ühtsuse ja parlamentliku demokraatia põhimõtteid; Hollandiga sõlmitud lepingute suhtes asuti seisukohale, et neid tuleb täita "indoneesia rahva huvides".

195 Peatähelepanu oli pööratud kirjaoskamatuse likvideerimise ja rahvuslike kaadrite ettevalmistamise küsimustele.

196 27. mail 1948 teatasid FDR-i juhid kavatsusest lülituda valitsuse koosseisu; läbirääkimised kestsid kuni 31. maini, kuid lõppesid fiaskoga (vt. V. Thompson. Richard Adloff. Op.cit., p. 182; A.C. Brackman. Indonesian communism, p. 77).

197 See kinnitab Lenini teesi, et poliitikas "väikekodanlik demokraatia, eriti tema juhtide näol, sõrgib kodanluse sabas" (V.I. Lenin. Revolutsiooni õppetunnid. Teosed, 25. kd., lk. 219).

198 Vt. N. Симония. Путь индонезийской революции. - "Азия и Африка сегодня", 1967, № 6, стр. 25.

199 1948.a. kevadel toimusid esimesed streigid vabariigi ajaloos (vt. Е.П. Заказникова. Op. cit., стр. 138-140).

le, et saada ettekäänet pahempoolse liikumise mahasurumiseks. Juuni algul deklareeris valitsus oma kavatsusest demobiliseerida 40 000 regulaararmee sõdurit.[200] Selle plaani realiseerimisel tekkisid mitmetes piirkondades (Madiun, Kediri) ägedad kokkupõrked.[201] Valitsust toetasid parempoolsed sotsialistid, kes rõndasid FDR-i süüdistusega valitsuse programmi "torpedeerimises".[202] Aktiivset abi andsid parempoolsetele jõududele ka väikekodanlikud ekstremistid, kes 6. juunil 1948 organiseerisid poliitilise koalitsiooni Rahvarevolutsiooniline Liikumine - GRR (Gerakan Revolusi Rakjat).[203]

Katkestades 23. juulil 1948 läbirääkimised Hollandiga,[204] keskendas Hatta valitsus oma tähelepanu sisepoliitilistele probleemidele. Praktiliselt tähendas see võitluse teravnemist ja lõhe süvenemist rahvusliku liikumise mõlema tiiva vahel.

Indoneesia seisis tõsiste komplikatsioonide lävel.

---

200 "Sin Po", 8.VI 1948.

201 "Sin Po", 22.VI 1948.

202 "Sumber", 7.VI 1948.

203 Rahvarevolutsioonilise Liikumise organiseerisid Tan Malaka poliitilist kurssi pooldavad rühmitused; tema liidriteks said dr. Muwardi, Maruto Nitimihardjo ja Rustam Effendi (A.C. Brackman. Indonesian communism, p. 78). GRR-i poliitiline platvorm nõudis küll ühelt poolt loobumist kompromissidest läbirääkimistel Hollandiga ning sõlmitud lepingute tühistamist, teiselt poolt aga deklareeris toetust Hatta valitsusele ja nõudis resoluutsete abinõude rakendamist "destruktiivsete elementide", s.o. kommunistide vastu (ibid.; M. Lubis. Gathering Storm in Indonesia. - "United Asia", vol. I, No. 3, p. 275; J.S. Mintz, Marxism in Indonesia, p. 216).

204 Keesing's Contemporary Archieves, vol. VII (1948-1950), p. 9735.

Madiuni provokatsioon

Sisepoliitilise pinge kasvamise tingimustes töötas illegaalse PKI juhtkond välja partei uue programmi [205] ja taktikalise joone. 24. augustil 1948 tegi PKI Keskkomitee Poliitbüroo avalduse, milles deklareeris, et indoneesia rahva huvide edukas kaitsmine nõuab ühtse tugeva, progressiivsete jõudude koalitsioonil baseeruva rahvusrinde loomist ning proletariaadi poliitilise jõu killustatuse (mitme partei olemasolu) likvideerimist. [206] Järgmisel päeval esines PKI erakorralisel konverentsil Manovar Musso,[207] kes alles kuu algul oli jõudnud pikemaajalisest emigratsioonist tagasi Indoneesiasse. [208] Tema ettepanekute alusel arutati läbi ja võeti vastu resolutsioon "Uus tee Indoneesia Vabariigi jaoks", mis faktiliselt kujutas endast ka uut teed PKI jaoks. [209]

Vastavalt sellele programmilisele dokumendile pidi illegaalne PKI legaliseeruma ning koondama endasse kõik proletariaadi marksistlikud võitlusjõud. Teised töölisklassi parteid Indoneesias kuulusid likvideerimisele. Ühinenud PKI pidi mobiliseerima enda ümber indoneesia rahva kõik revolutsioonilised jõud ning looma võimsa antiimperialistliku rahvusrinde, mis oleks suutnud edukalt vastu seista Indoneesia revolutsiooni vaenlastele.

---

205 Seni kehtiv programm oli vastu võetud Surakarta konverentsil 1946.a. (O.O. Trullinger. Red Banners Over Asia, Oxford,1950, p. 78-79).

206 Republik Indonesia. Daerah Istimewa Jogjakarta, hal. 278-279.

207 Manovar Musso (1898-1948) oli illegaalse PKI üks liidreid, viibis emigratsioonis alates 1926.aastast, lühikese vaheajaga 1935. aastal.

208 3. aug. 1948.a. Suparto nime all.

209 Resolutsiooni tekst vt.: Djalan baru untuk Republik Indonesia.

PKI üleskutse töölisparteide ühinemisele leidis positiivset vastukaja. 27. augustil 1948 teatas oma soovist ühineda Indoneesia Töölispartei, 30. augustil järgnes tema eeskujule Sotsialistlik Partei, 2. septembril - Pesindo.[210] Nende parteide liidrid teatasid avalikult oma ammusest kuuluvusest PKI ridadesse,[211] legaliseerudes seega kommunistidena. Ühinenud PKI esimeheks valiti Musso, uue Poliitbüroo koosseisu aga läksid kõrvuti vanema põlvkonna kommunistidega (Sardjono, Alimin) ka mitmed väljapaistvad noored parteitegelased (Aidit, Lukman, Njoto, Suripno); Sjarifuddin nimetati partei sekretäriks rahvusliku kaitse küsimustes.[212]

Ühinenud PKI kujunemine tekitas parempoolsetes ringkondades ärevust. 2. septembril 1948 esines KNIP Töökomitee istungil teravalt antikommunistliku kõnega peaminister Hatta,[213] kelle kalduvus "jääda eemale rambivalgusest"[214] oli üldiselt teada. Oma kõnes kaitses ta valitsuse neljapunktilist programmi ja deklareeris, et ta ei kavatse järele anda "kommunistlikule diktaadile valitsuse poliitika suhtes", ning ähvardas jõu kasutamisega kallaletungi korral "valitsemise demokraatlikele printsiipidele". Kabineti reorganiseerimisest ta keeldus.

Hatta positsiooni toetasid Masjumi, PNI ja teiste parteide parempoolsed liidrid. Kui PKI tegi 9. septembril 1948 ettepaneku rahvusliku ühtsuse taastamiseks ja tugeva antiimperialistliku ühisrinde loomiseks, siis nii Masjumi kui ka PNI juhid keeldusid igasugustest läbirääkimistest

---

210 A.C. Brackman. Indonesian communism, pp. 83-85.

211 Vt. ibid., pp. 83-84; J.M. van der Kroef. The Communist Party of Indonesia, p. 33.

212 G. McKahin. Nationalism and Revolution in Indonesia, p. 276.

213 Kõne tekst vt. M. Hatta. Mendajung antara dua karang, hal. 65-67.

214 Ch. Wolf Jr., Op. cit., p. 95.

sel teemal.[215] Koos väikekodanlike ekstremistidega, kelle liidrid valitsus vanglast vabastas,[216] hakkasid nad organiseerima uusi provokatsioone, et sundida pahempoolseid jõudusid relvastatud vastupanule ja siis väärata see vastupanu sõjavõe abil.[217]

13. septembril 1948 puhkesid Surakartas esimesed tänavalahingud.[218] Peagi kandus kokkupõrgete teravik Madiuni. 18. septembri hommikul, selleks et vältida edasisi verevalamisi, hõivasid 29. brigaadi üksused Madiuni tähtsamad tsentrumid ning parempoolsed jõud lõid provintsiaalse "rahvusrinde valitsuse".[219] Djokjakartas aga tõlgendati neid samme valitsusevastase ülestõusuna. 19. septembril 1948 andis KNIP Töökomitee presidendile kogu võimutäiuse.[220] Esinedes sama päeva õhtul raadios, süüdistas Sukarno PKI-d valitsuse kukutamise ja nõukogude võimu kehtestamise katses.[221] Analoogilise süüdistusega esines 20. septembril 1948 Hatta.[222]

---

215 Republik Indonesia. Daerah Istimewa Jogjakarta, hal. 279.

216 17. aug. 1948 amnesteeriti Subardjo, Iwa Kusuma Sumantri, Adam Malik, Moh. Yamin ja rida teisi PP liidreid (A.C. Brackman. Indonesian Communism, p. 82).

217 Vt. D.Н. Айдит. Осудить мадиунские события. - "Избранные произведения. Статьи и речи. Москва, 1962, стр. 202.

218 Ibid., стр. 207; kujunenud sündmuste provokatsioonilist iseloomu tunnustab ka prof. Wertheim (vt. W.F. Wertheim. Op. cit., p. 82).

219 Republik Indonesia. Propinsi Djawa Timur, s.l. ja s.a., hal. 53.

220 "Indonesian Information", 1948, No. 19, p. 1.

221 Kõne tekst vt.: Republik Indonesia. Daerah Istimewa Jogjakarta, hal. 284-286.

222 Kõne tekst vt.: M. Hatta. Mendajung antara dua karang, hal. 87-90.

Kasutades ära tekkinud olukorda,[223] ruttas valitsus rakendama repressioone. Ida-Jaaval kuulutati välja sõjaseisukord ning kolonel Sungkonole anti sõjalise kuberneri volitused.[224] Djokjakartas rüüstati PKI, Pesindo ja SOBSI peakorterid; pahempoolsed ajalehed suleti, miitingud ja demonstratsioonid keelati.[225] Masjumi ja PNI liidrid lõid kiiruga nn. Rahvusliku Sõltumatuse Rinde,[226] mille ülesandeks oli kõigi antikommunistlike jõudude konsolideerimine. Madiuni ülestõusnute vastu paisati suured väekoondised.[227]

Valitsuse jõupingutusi kroonis edu. Tal õnnestus mitte üksnes maha suruda Madiuni "mäss",[228] vaid ka lõhkuda pahempoolsete jõudude ühtsust. Süüdistustega PKI aadressil esinesid Indoneesia Vabariigi Noorsookongressi Komitee, kuhu kuulus ka Pesindo,[229] PSII, mitmed FDR-i kohalikud osakonnad, Indoneesia Töölispartei ajutine keskjuhatus ning rida teisi organisatsioone.[230]

---

223 Valitsusel polnud, muide, karta ootamatusi hollandlaste poolt, kes pakkusid talle koguni oma abi ("Indonesian Information", 1948, No. 19, p. 4).

224 "Indonesian Information", 1948, No. 20, p. 1.

225 "Indonesian Information", 1948, No. 19, pp.1-2.

226 "Indonesian Information", 1948, No. 19, p. 2.

227 Võitlused Madiuni pärast algasid 23. sept. 1948.a. ("New York Herald Tribune", 24. IX 1948), siia koondatud vägede arvu hinnati 10 000 mehele ("Indonesian Information", 1948, No. 22, p. 1).

228 Madiun vallutati valitsusvägede poolt 30.sept. 1948, ent mägedes jätkusid võitlused veel kuni detsembri alguseni (A.C. Brackman. Indonesian communism, p. 99).

229 Pesindo liidrid olid vahetult segatud Madiuni sündmustesse, samuti mitmed Pesindo üksused (Republik Indonesia. Propinsi Djawa Timur, hal. 74).

230 Vt. ibid., hal. 74-76.

Parempoolsed ringkonnad pühitsesid võitu, ent see pühitsemine oli enneaegne.

Indoneesia Vabariigi kohal rippus surmaoht.

Hollandi "teine politseiaktsioon"

Pahempoolsete jõudude massiline repressеerimine [231] nõrgestas vabariiki. Seda ruttasid kohe ära kasutama hollandlased. 19. detsembril 1948 vallutasid nad õhudessantvägede abil Djokjakarta ning vangistasid vabariigi juhid.[232] 31. detsembriks lõppesid sõjalised operatsioonid Jaaval, 5. jaanuariks 1949 ka Sumatral. [233] Ent hollandlaste võit oli vaid näiline. Prof. Wertheim nimetab seda "pürrhose võiduks", "täielikuks fiaskoks". [234] Vabariigi relvastatud üksused, olles peaaegu täielikult säilitanud oma võitlusjõu, taandusid mägedesse. Hollandlased suutsid faktiliselt okupeerida vaid suuremad linnad. [235] Ja siingi kujunes nende võim ebakindlaks, kuna indoneeslased arendasid massiliselt mittekoostöö, sabotaaži ja obstruktsiooni taktikat. [236]

Hollandi-vastase võitluse käigus algas rahvuslike jõudude uus konsolideerumine. Djokjakartas keeldus koostööst

---

231 Novembri algul hinnati areteeritute arvu 23 000-le ("Sin Po", 1.XI 1948); hilisemate repressioonide käigus tõusis see arv 36 000-le (vt. Lahirnja PKI dan perkembangannja. - "Bintang merah", 1950, No. 7, hal. 202).

232 Vt. lähemalt A.M. Taylor. Op. cit., pp. 166-167; G. McKahin, Nationalism and Revolution in Indonesia, pp. 337-338.

233 Keesing's Contemporary Archieves, vol. VII (1948-1950), p. 9738.

234 W.F. Wertheim. Op. cit., p. 82.

235 Ibid.

236 Sukarno. An Autobiography, p. 261.

hollandlastega peaaegu kogu elanikkond.[237] Sellele eeskujule järgnesid ka teiste linnade elanikud. Mägedes ja džunglites algas aktiivne partisaniliikumine, millest võtsid osa Indoneesia kõikide sotsiaalsete ja poliitiliste jõudude esindajad.[238] Partisanid ründasid korduvalt hollandlaste käes olevaid suuri linnu,[239] ning okupandid ei tundnud end kuskil kindlana. Partisanid tegutsesid aktiivselt ka Kalimantanil,[240] Sulawesil, Balil jt. Indoneesia saartel. Hollandi nn. teine politseiaktsioon kutsus proteste esile ka negara'de[241] valitsevates ringkondades, mis seni olid arendanud hollandlastega kuulekat koostööd.[242] Teravat hukkamõistu avaldas maailma demokraatlik üldsus.[243]

Veendunud, et indoneeslaste vabadusvõitlust pole võimalik relvadega summutada, "olenemata raha ja sõdurite hulgast",[244] läksid hollandlased läbirääkimiste ja järeleandmiste teele. Vastavalt Rum-van Roijeni kokkuleppele[245]

---

237 Djokjakarta ca 500 000 elanikust läks koostööle vaevalt 6 000 (G. Mc.Kahin. Resistance in Indonesia. - "Far Eastern Survey", 1949, No. 4, p. 47).

238 Partisaniliikumise juhtimine Jaaval lasus kolonel Nasution'il (General A.H. Nasution. Biographical Note of General A.H. Nasution. Progress in Efforts to Restore Security in Indonesia, London, 1961, p. 5); Sumatral aga juhtis võitlust kolonel Hidayat (D. Woodman. The Republic of Indonesia, London, 1955, p. 251).

239 Djokjakartat rünnati kolmel korral (29. dets. 1948.a., 9. jaan. ja 1. märtsil 1949.a.) (Republik Indonesia. Daerah Istimewa Jogjakarta, hal. 386-391); pidevate rünnakute objektiks oli Surakarta (L.K. Rosinger. Op. cit., p. 425).

240 Vt. A. Karim. Kalimantan berdjuang. Djakarta, 1956.

241 Hollandlaste poolt loodud marionetlikud riigid.

242 D. Woodman. Op. cit., p. 253.

243 Vt. "The Times", 20. XII 1948 ja 22. XII 1948.

244 Sukarno. An Autobiography, p. 261.

245 Kokkulepe sõlmiti 7. mail 1949; ta formuleeris vaenutegevuse lõpetamise ja edasiste läbirääkimiste põhialused (tekst vt. Lukisan revolusi rakjat Indonesia, hal. 390-391).

lahkusid Hollandi väed 30. juunil 1949 taas Djokjakartast, saadetuna indoneeslaste vaimustatud "merdéka"-hüüetest.[246] 6. juulil 1949 vabastati vangist Sukarno, Hatta ja teised vabariigi juhid; nende naasmine Djokjakartasse kujunes üldrahvalikuks triumfiks.[247]

Hollandlaste lüüasaamist põhjustanud peamiseks faktoriks oli indoneesia rahva võitlusühtsus. Hoolimata mitmetest raskendavatest teguritest - võitlus võimu pärast, föderalistide pikaajaline lõhestustegevus, parempoolsete jõudude sepitsused, ekstremistide ultrapahempoolsete loosungite populaarsus jne. - suutis indoneesia rahvas kuni 1948. aastani säilitada kõigi patriootide ühisrinde imperialismi ja kolonialismi vastu. Kui see ühisrinne 1948. aastal poleks lagunenud, oleks võit kahtlemata olnud täielikum.

Nüüd aga tuli kasutada kompromissi taktikat.

19.-22. juulini 1949 toimunud esimesel ja 31. juulist 2. augustini toimunud teisel nn. inter-Indoneesia konverentsil saavutati kokkulepe tulevase Indonesia Ühendriikide (Republik Indonésia Serikat) poliitiliste aluste suhtes.[248] Kokkuleppe saavutamine oli väga suure printsipiaalse tähtsusega. Selles väljendus praktiliselt föderalistide ja unitaristide ühisrinde kujunemine Hollandi neokolonialistlike taotluste vastu - otsene resultaat "teisele politseiaktsioonile". 3. augustil 1949 anti Hollandi ja Indoneesia vägedele käsk tulevahetus lõpetada.[249] 23. augustil 1949 aga avati Haagis nn. ümmarguse laua konve-

---

246 merdéka - tõlkes "vaba".

247 D. Woodman. Op. cit., pp. 256-257; neid (enamikus) oli hoitud vangistuses Bangka saarel.

248 Konverentside materjalid vt.: Dokumen-dokumen Konperensi Medja Bundar. Sebelum, sesudah dan pembubarannja. Disusun, didjelaskan, dikomentir oleh: Notosoetardjo, Djakarta, 1956, hal. 206-214.

249 Vt. Illustrations of the Revolution, p. XXII.

rents, mis lõppes 2. novembril 1949 rea kokkulepete allakirjutamisega.[250]

Vastavalt nendele kokkulepetele tunnustas Holland Indoneesia Ühendriike, mis koosnesid 16 autonoomsest üksusest, de jure. Indoneesia ja Hollandi suhted baseerusid unioonil. Väliskapitali positsioonid Indoneesias taastati. Hollandi valitsus säilitas Indoneesias võimalused välispoliitilise ja rahandusliku kontrolli teostamiseks. Indoneesiasse jäi Hollandi sõjaline missioon.

"Ümmarguse laua konverentsi" otsused tegid juriidilise lõpu Indoneesia koloniaalsele staatusele, avades samal ajal ukse neokolonialistliku ekspluateerimise sissetungile. Poliitilise sõltumatuse säilitamine olenes nendes tingimustes antiimperialistliku rahvusrinde tugevusest, Indoneesia töötavate masside võitlusjõust, revolutsioonilise avangardi monoliitsusest ja ideelisest karastatusest. Indoneesia progressiivsed ringkonnad mõistsid seda. Nad vaatlesid Haagi kokkuleppeid kui ajutist tõket, mille revolutsiooni kulg peab ületama.

14. detsembril 1949 ratifitseeris KNIP "ümmarguse laua konverentsi" otsused.[251] 16. detsembril valiti Sukarno Indoneesia Ühendriikide presidendiks. Föderatsiooni valitsuse kujundas Hatta.[252] 27. detsembril aga toimus võimu ofitsiaalne üleandmine: Djakartas langetati Hollandi lipp ning asemele heisati puna-valge Indoneesia rahvuslipp.[253]

Indoneesia astus uude arenguperioodi.

---

250 Kokkulepete tekstid vt.: Dokumen-dokumen Konperensi Medja Bundar, hal. 69-134, 150-154.

251 Keesing's Contemporary Archieves, vol. VII (1948-1950), p. 10590.

252 20. dets. 1949 formeeritud valitsuses olid enamuses parempoolsed vabariiklased, ainult kaks ministrit olid föderalistid (vt. Herbert Feith. The Decline of Constitutional Democracy in Indonesia. Ithaca, 1962, pp. 46-47).

253 Republik Indonesia. Katapradja Djakarta Raya , hal. 51.

К ВОПРОСУ О ВОЗНИКНОВЕНИИ ПОСТОЯННОЙ АРМИИ В РИМСКОЙ РЕСПУБЛИКЕ

М.Тянава

Римская армия, выступая как новая, крупная, самостоятельная социально-политическая сила, явилась, по общему признанию, одним из факторов, определяющих кризис республики. Профессиональная, пролетарская по своему социальному составу, ускользнувшая из-под государственного контроля армия была единственной реальной, организованной силой, на которую опирались вожди борющихся между собой различных фракций господствующего, рабовладельческого класса в эпоху гражданских войн I века до н.э.[I]

Проблема превращения старориманского народного ополчения в постоянное, профессиональное войско, орудие внутриполитической борьбы, входит, таким образом, в сложный комплекс вопросов о причинах падения республики в Риме.

Прежде всего перед нами стоит вопрос о значении так называемой военной реформы Мария в вышеуказанных качественных изменениях римской армии. По античной традиции, Гай Марий при комплектовании легионов во время войны против Югурты в 107 году до н.э. "... набирал солдат не по обычаю предков и не по классам, но всех

I С.Л.Утченко, Кризис и падение римской республики, Москва, 1965, стр. 174 и сл., особенно стр. 193-197; он же, Римская армия в I веке до н.э., "Вестник древней истории" (Далее: ВДИ), 1962, № 2, стр.30-47.

желающих, в том числе многих неимущих"[2]. Исходя из этого, с именем Мария обычно связывают отказ от имущественного ценза при наборе и введение нового принципа комплектования армии - добровольности. Результатом этих нововведений явилась пролетаризация войска и превращение его в армию профессиональную и постоянную. Такова трактовка реформы Мария, которая господствует как в общих трудах по истории Рима[3], так и в специальной литературе, посвященной истории римской армии[4].

В последнее время начинает преобладать новый подход к реформе Мария. "Реформа" рассматривается не как единичный акт, сознательно запланированный отдельной

---

2 Sall., Jug., 86, 2: milites scribere, non more maiorum neque ex classibus, sed uti lubido quoiusque erat, capite censos plerosque. Ср. Plut., Mar., 9; Gell., XVI, 10, 14; Val. Max., II, 3, 1; Flor., I, 36, 13 (III, 1, 13).

3 С.И.Ковалев, например, пишет: "Новый принцип комплектования армии давал возможность значительно удлинить сроки военной службы, так как солдаты почти не были связаны с производством и служба явилась для них главным средством к жизни". (С.И.Ковалев, История Рима, Ленинград, 1948, стр. 377). См. также: Н.А.Машкин, История древнего Рима, Москва, 1949, стр. 262-263; Всемирная история, т. II, Москва, 1956, стр. 358-359; M. Cary, A History of Rome, London, 1935, p. 308; Ernst Meyer, Römischer Staat und Staatsgedanke, Zürich, 1948, S. 288-290; J. Vogt, Römische Geschichte, 1. Hälfte, Die römische Republik, 3. Aufl., Freiburg, 1955, S. 224.

4 J. Kromayer und G. Veith, Heerwesen und Kriegführung der Griechen und Römer, München, 1928, S. 376 ff.; 411 ff.; F.E. Adcock, The Roman Art of War under the Republic, Cambridge, Mass., 1940, p. 20; H.M.D. Parker, The Roman Legions, New York, 1958, p. 24 ff.

личностью[5], но лишь как последний шаг или даже этап на долгом пути превращения народного ополчения в регулярную армию. В первую очередь следует указать на работу Э.Габбы, который показал, что в результате постепенного снижения минимального имущественного ценза с II тыс. до 4 тыс. ассов и наконец до 1500 ассов процесс пролетаризации армии зашел далеко уже до Мария[6]. Хотя после прецедента 107 года до н.э. неимущие граждане могли поступать в армию по доброй воле, принудительный набор на основе цензовых списков (dilectus) оставался в силе и широко практиковался и после Мария[7].

В советской историографии С.Л.Утченко рассматривает изменение социальной природы римской армии как часть его общей концепции падения республики в Риме. Он связывает распад всей республиканской государственной системы

---

5 Крайним выражением данной точки зрения в литературе последних лет является статья Б.П.Селецкого. Он предполагает, что проект военной реформы, проведенной впоследствии Марием, зародился еще в "кружке" Сципиона, причем реформа эта, первоначально связанная с аграрной реформой, планировалась как средство борьбы против сената. (Б.П.Селецкий, Роль Сципиона Младшего в развязывании Югуртинской войны и политическая позиция его кружка, ВДИ, 1967, № 4, стр. 91-92).

6 E. Gabba, Le origini dell'esercito professionale in Roma: I proletari e la riforma di Mario, "Athenaeum", N. S., 27, 1949, p. 173 sq.

7 R.E. Smith, Service in the post-Marian Roman Army, Manchester, 1958, p. 44-46; Liebenam, Dilectus, Pauly's Real-Encyclopädie der klassischen Altertumswissenschaft (=RE), Bd. V, col. 61o.
Цезарь даже запретил гражданам в возрасте от 20 до 40 лет, не находящимся на военной службе, покидать Италию дольше, чем на три года (Suet., Div. Jul., 42).

Рима с кризисом Рима как полиса[8]. Полисная военная организация была тесно связана с античной, полисной формой собственности[9], являясь своеобразной "гарантией" последней, причем в зависимости от величины земельного участка, другими словами, от имущественного ценза дифференцировались как политические права, так и военные обязательства гражданина[10]. Именно в разложении полисной формы земельной собственности С.Л.Утченко видит коренную причину изменения социальной природы римской армии и приобретения ею нового качества. Принципиальная разница между старореспубликанской армией и армией I века до н.э. заключалась в том, что новая армия не была связана с полисной, римской формой собственности: "... это был контингент граждан, не имевших тех прав, тех привилегий и ... тех традиций, которыми обладали в римском обществе полноправные собственники"[11]. Исходя из этого, он придает Союзнической войне если не большее, но, во всяком случае, не меньшее значение, чем приему в армию неимущих граждан. После Союзнической войны, когда италиков начали принимать в состав легионов, римская армия пополнилась массами людей, "до сих пор никак не связанных ни с правами, ни с привилегиями римских собственников"[12], в то время

---

[8] С.Л.Утченко, Кризис и падение римской республики, стр. 14 и сл. О социально-экономическом базисе полиса, о причинах и характере его кризиса см. более подробно там же, стр. 5 и сл.; он же, Идейно-политическая борьба в Риме накануне падения республики, Москва, 1952, стр. 7 и сл.; О.В.Кудрявцев, Эллинские провинции Балканского полуострова во втором веке нашей эры, Москва, 1954, стр. 6 и сл.

[9] "Собственность - это собственность квиритская, римская; частный земельный собственник является таковым только как римлянин, но как римлянин он обязательно - частный земельный собственник". (К.Маркс, Формы, предшествующие капиталистическому производству, Москва, 1940, стр. 11).

[10] С.Л.Утченко, Кризис и падение римской республики, стр. 12.

[11] Там же, стр. 176.

[12] Там же, стр. 178.

как Марий не внес ничего принципиально нового в давно шедший процесс профессионализации римской армии[13].

Как мы видели, при объяснении причин трансформации римской армии основной упор делается на изменении ее социального состава, социальной природы (будь это результат или "реформы", или продолжительного процесса). На первое место ставится, таким образом, фактор, от которого зависели поведение и требования солдат в политической жизни, их отношение к полисным институтам, их "идеология", другими словами - выступление армии в первую очередь не как военной, а как самостоятельной социально-политической силы[14].

При этом, как нам кажется, недостаточное внимание уделяется другой стороне процесса, непосредственно не связанной с обновлением социального состава легионов. Это - изменение характера армии как специфической военной организации. Основной функцией римской армии до периода поздней республики явилось осуществление завоевательной политики и защиты гражданской общины (до крупных восстаний рабов последней трети II века до н.э. "внутренняя функция" армии была незначительна, так как отдельные главы фамилий еще своими силами справлялись с удержанием рабов в повиновении). Таким образом, на развитие римской армии не могло не оказать влияния превращение Рима из города-государства в крупнейшую среди-

---

[13] С.Л.Утченко, Кризис и падение римской республики, стр. 176.

[14] Е.М.Штаерман считает армию выразителем интересов сельского плебса: "... солдаты, т.е. крестьяне, организованные в войско, с гораздо большей эффективностью умевшие постоять за свои интересы, чем аморфные массы сторонников Гракхов". (Е.М.Штаерман, Расцвет рабовладельческих отношений в римской республике, Москва, 1964, стр. 10). С.Л.Утченко считает, что солдаты, будучи не связаны с полисными институтами, привилегиями и традициями, имели свой, отличающийся от полисной идеологии, корпоративный дух, вследствие чего армия играла в период падения республики роль не только организации военной, но и социально-политической.(С.Л.Утченко, Кризис и падение римской республики, стр. 189-196).

земноморскую державу, в империю (в территориальном значении этого понятия)[15]. По мере появления перед ней новых, гораздо более обширных военных задач, римская армия должна была постепенно терять характер полисного ополчения, которое по необходимости созывалось и затем распускалось, и превращаться в регулярную армию.

Такое превращение армии, выходящее из рамок полисного ополчения, явилось одним из проявлений кризиса римского республиканского политического строя. Характерно, что конечная дата этого процесса совпадает с установлением империи. Регулярная профессиональная армия была узаконена при Августе. Учреждение aerarium militare и введение praemia militiae показывают, что ответственность за всю жизнь солдата-профессионала приняло на себя государство[16]. В этом смысле можно согласиться с Моммзеном, который в свое время писал, что понятия "монархия" и "республика", применительно к истории древнего мира, можно было бы, наверно, заменить более подходящими понятиями - "государство с постоянной армией" и "государство с гражданским ополчением"[17].

Начало вышеупомянутого процесса, как мы стараемся показать ниже, относится ко II веку или даже к концу III века до н.э. (При этом мы не будем рассматривать вопросы военной техники и тактики).

---

15 См. Ernst Meyer, Op. cit., S. 295, 328 ff.

16 G.R.Watson, Discharge and resettlement in the Roman army: The praemia militiae, Neue Beiträge zur Geschichte der alten Welt, Band II: Römisches Reich, Berlin, 1965, S. 147.

17 "Gemeinwesen mit stehendem Heer und das Gemeinwesen der Bürgerwehr". (Th. Mommsen, Das Militärsystem Caesars, "Historische Zeitschrift," Bd. 38, 1877, S. 1).

Первая пуническая война, хотя она продолжалась 23 года, укладывалась еще в рамки обычной, "нормальной" войны Рима как города-государства, так как она велась обыкновенными консульскими армиями. В 264 году до н.э. Рим отправил в Сицилию два легиона (одного из консулов)[18]. В 263 году до н.э. в Сицилию отправились оба консула с четырьмя легионами[19]. Армию в четыре легиона, которые набирались ежегодно[20], Рим имел, наверно, до конца войны[21].

В 225 году до н.э., перед угрозой галльского нападения, Рим вынужден был провести чрезвычайный набор. Были образованы 10 легионов. Из них четыре вышли с консулами, четыре были оставлены в качестве резерва в Риме, один - в Таренте и один - в Сицилии[22].

Вторая пуническая война своей продолжительностью и вызванной ею крупнейшей опасностью Римскому государству потребовала огромного и длительного напряжения всех сил римского общества. Прежде всего Рим был вынужден всю войну держать под знаменами невиданную до сих пор массу войск.

Ливий называет, как правило, общее число легионов каждого года войны, или же по его данным можно сосчитать приблизительное количество войск данного года. В начале Второй пунической войны, в 218 году до н.э. в Риме была сформирована армия в шесть легионов[23]. В 217 году Рим

---

18 Polyb., I, 11, 3.

19 Ibid., I, 16, 1.

20 Ibid., I, 16, 2: κατ' ἐνιαυτὸν προχειρίζονται

21 J. Beloch, Die Bevölkerung der griechisch-römischen Welt, Leipzig, 1886, S. 379.

22 Polyb., II, 24, 3-13.

23 Liv., XXI, 17, 2.

имел, по крайней мере, 12 легионов[24], в 216 году - 14 легионов[25], в 215 году - 13 легионов[26]. Начиная с 214 года Ливий указывает, за исключением 213, 209, 206, 205 и 204 года, общее количество легионов данного года.

в 214 году	-	18	легионов	(Liv., XXIV, 11, 2)
" 213 "		-/20/	"	(Ср. Liv.XXIV, 44)[27]
" 212 "		- 23	"	(Liv., XXV, 3, 7)
" 211 "		- 23	"	(Liv., XXVI, 1, 13)
" 210 "		- 21	"	(Liv., XXVI, 28, 13)
" 209 "		-/21/	"	(Ср. Liv., XXVII, 7)
" 208 "		- 21	"	(Liv., XXVII, 22, 11)
" 207 "		- 23	"	(Liv., XXVII, 36, 12)
" 206 "		-/20/	"	(Ср. Liv., XXVIII,10-16)
" 205 "		-/20/	"	(Ср. Liv., XXVIII, 45)
" 204 "		-/20/	"	(Ср. Liv., XXIX, 13)
" 203 "		- 20	"	(Liv., XXX, 2)
" 202 "		- 16	"	(Liv., XXX, 27)
" 201 "		- 14	"	(Liv., XXX, 41)

Данные Ливия о римских легионах за годы Второй пунической войны иногда подвергались сомнению. Белох, отказавшись от своей первоначальной точки зрения, выраженной в его "Народонаселении"[28], утверждает, что после битвы при Каннах римляне имели не больше восьми легионов, из них в

---

24 По подсчетам Клоца (См. A. Klotz, Die römische Wehrmacht im. 2. punischen Kriege,"Philologus", Bd. 88, 1933,S.55). С результатами подсчетов Клоца незначительно расходятся цифры в таблицах Белоха (Beloch,Die Bevölkerung, S. 381) и Де Санктиса, приведенных в Cambridge Ancient History (=CAH), Vol.VIII, Cambridge, 1930, p. 104.

25 Klotz, Op. cit., S. 66.

26 Ibid., S. 68

27 См. Beloch, Die Bevölkerung, S.381; Ср.CAH, VIII, p. 104.

28 Beloch, Die Bevölkerung, S. 383.

Италии только четыре, т.е. две нормальные консульские армии; данные же Ливия он считает вымыслом анналистов[29]. Карштед тоже придерживается мнения, что римляне ежегодно выставляли только четыре легиона, а картина, изображаемая Ливием, является огромным преувеличением[30]. Данные Ливия о сенатских решениях относительно формирования ежегодных войсковых соединений считает недостоверными и Гельцер[31].

Одним из важнейших аргументов у тех, кто отвергает данные Ливия, является то, что Полибию почему-то "неизвестно об этих 20-23 легионах"[32]. Рассмотрим внимательнее, что Полибий говорит по интересующему нас вопросу.

Во-первых, известное описание военного дела римлян в шестой книге Полибия[33], несомненно, является формальным и соответствует положению в обыкновенное время. Описание римской армии является одной из частей обзора, изображающего его точку зрения на государственное устройство Рима в том виде, как оно существовало в период Второй пунической войны, точнее, во время битвы при Каннах[34]. По мнению Полибия, ко времени войны с Ганнибалом государственный строй Карфагена уже склонился к упадку, в то время как смешанное государственное устройство Ри-

---

29 J.Beloch, Die Bevölkerung Italiens im Altertum, "Klio", Bd. III, 1903, S. 475.

30 U.Kahrstedt, Geschichte der Karthager, III, Berlin, 1913, S. 439 ff.

31 M.Gelzer, Die Glaubwürdigkeit der bei Livius überlieferten Senatsbeschlüsse über römischen Truppenaufgebote, "Hermes", Bd. 70, 1935, S. 269 ff.

32 Beloch, Die Bevölkerung Italiens im Altertum, S. 475. Ср. Kahrstedt, Op. cit., S. 440; Ed. Meyer, Kleine Schriften, Bd. II, Halle, 1924, S. 415 ff.(Untersuchungen zur Geschichte des zweiten punischen Krieges).

33 Polyb., VI, 19 sq.

34 Polyb., VI, 11, 1-2.

ма только что достигло совершенства[35]. Благодаря этому Рим не только пережил поражение при Каннах, но и достиг потом мирового господства. Как Полибий сам подчеркивает[36], он намеренно не касается некоторых подробностей и поэтому самим римлянам его изложение может показаться весьма недостаточным, но если все, о чем он говорит, правильно, то читатель должен согласиться, что "и умолчания допущены нарочно, а не по невежеству". Словом, Полибий знает о римском государстве, в том числе о военном деле, гораздо больше, чем он пишет.

Во-вторых, нужно иметь в виду, что рассказ Полибия о ходе Второй пунической войны после Канн (начиная с VI книги) дошел до нас только в извлечениях. Отсутствие у Полибия данных о численности римских легионов в каждый год войны с Ганнибалом нельзя принимать за отрицание существования более крупных сил, чем четыре легиона. Это подтверждает его обзор военных сил Рима в 225 году до н.э. (тогда были образованы 10 легионов[37]), "чтобы иметь представление, с какими силами столкнулся Ганнибал"[38]. Относительно 216 года до н.э. Полибий пишет, что в этом году было решено вести войну восьмью легионами[39] (восемь римских легионов участвовали в битве при Каннах). Здесь данные Полибия совпадают с данными Ливия и другими источниками[40]. Говоря о 214 годе до н.э., Полибий упоминает о нескольких армиях, в том числе находящихся вне Ита-

---

35 C.O.Brink, F.W.Walbank, The Construction of the Sixth Book of Polybius, "Classical Quarterly", IV, 1954, p. 122.

36 Polyb., VI, 11, 3-8.

37 Polyb., II, 24, 3-13.

38 Ibid., II, 24, 1.

39 Ibid., III, 107, 9.

40 J.Kromayer, Antike Schlachtfelder, Bd. III, Abt. 1, Berlin, 1912, S. 343-344.

лии, не давая, однако, никаких указаний о численности каждой из них[41].

Таким образом, из рассказа Полибия явствует, что в периоды крупных войн, когда увеличивалась потребность в войсках, две обычные консульские армии, т.е. четыре легиона, представляли собой только часть всех военных сил Рима.

С другой стороны, нет никаких оснований отвергать данные Ливия[42]. Цифры, переданные нам Ливием, несомненно, восходят, в конечном счете, к постановлениям сената, имевшего исключительное право назначать на каждый год количество легионов, определять для них театры военных действий и отпускать нужные средства на их формирование[43]. Следя за деталями, приведенными Ливием, станет ясным, что они образуют логическое целое, согласуются с общей военной обстановкой[44]. Если отвергнуть цифры Ливия, было бы совершенно непонятно, почему римляне использовали только небольшую часть своих сил, в то время, как, с одной стороны, военная угроза Ганнибала, несомненно, требовала большего[45], и, с другой стороны, возможности для созда-

41 Polyb., VIII, 3,4-8.

42 Из авторов специальных исследований см. Г.Дельбрюк, История военного искусства, т. I, Москва, 1936, стр. 284 и сл.; Kromayer, Antike Schlachtfelder, III/I, S. 477; Kromayer - Veith, Heerwesen, S. 304; Klotz, Op. cit., S. 42 ff.; Hollroyd, in: CAH, VIII, p. 26, 104; F.Cornelius, Cannae. Das militärische und das literarische Problem, "Klio", Beiheft 26, 1933, S. 59 (ср. F.Lammert, "Gnomon", Bd. 11, 1935,S.159 ff).

43 T.Mommsen , Römisches Staatsrecht, I, Leipzig, 1876, S.717; III,2.Abtheilung,Leipzig,1888,S.1070 ff.

44 Kromayer, Antike Schlachtfelder, III/I, S.477; CAH, VIII, p. 104.

45 Дельбрюк задает вопрос: "Да и как возможно было римлянам взять с 4 легионами Капую, когда Ганнибал, несомненно, после Канн располагал войском в 40-50000 чел." (Дельбрюк, Указ. соч., стр. 284).

ния более крупной армии были налицо[46].

Итак, все, что нам известно из Ливия, говорит о том, что численность войск в каждом году зависела от силы противника, от места и времени выполнения задачи, словом – от конкретной военно-политической обстановки. Если даже допустить, что не все легионы, перечисленные Ливием, имели полный состав[47], совершенно ясно, какое огромное напряжение сил Рим должен был перенести в период Второй пунической войны.

В течение восьми лет, в 213 – 203 гг. до н.э. Рим имел постоянно ежегодно в среднем 21 легион. Принимая во внимание минимальный средний состав легиона этого периода около 4200 пехотинцев и 300 всадников, всего около 4500 человек, можно подсчитать, что в этот период службой в армии ежегодно было охвачено около 94500 человек. Имея в виду, что к этому времени в сражениях при Требии, Тразименском озере и Каннах, а также в Испании Рим уже потерял около 50-60000 легионеров и в результате отпадения Капуи лишился 34000 человек, пригодных для службы в легионах[48], оказывается, что в указанные годы мобилизовано было больше половины всех военнообязанных мужчин от 17 до 60 лет (по последним довоенным данным около 273000 человек), при этом, несомненно, большинство юниоров (от

---

46 Число военнообязанных граждан по цензу 233 года до н.э. составляло 270713 человек (Liv., per., 20), по цензовым спискам 225 года – около 273000 (Polyb., II, 24, 14), не говоря об италийских союзниках.

47 Это особенно относится к гарнизонным частям, за счет которых осуществлялось пополнение полевых легионов. См. Kromayer, Antike Schlachtfelder, III/1 , S. 483-489.

48 T. Frank, An Economic Survey of Ancient Rome, Vol, I, Rome and Italy of the Republic, Baltimore, 1933, (= ESAR), p. 57.

17 до 46 лет), обязанных нести действительную службу. Можно считать, что в этот период времени возможности Рима были почти исчерпаны. Кстати, два легиона состояли из рабов, освобожденных из-за нехватки солдат после поражения при Каннах.[49]

О численности римских войск после Второй пунической войны мы имеем конкретные данные до 168 года до н.э., после которого обрывается рассказ Ливия. Отсутствуют данные только за 185, 178, 175 и 170 годы, но они могут с большой долей вероятности быть восстановлены путем сравнения данных предшествующего и последующего годов. Хотя с окончанием Второй пунической войны военное напряжение Рима заметно ослабевало, тем не менее в течение всего последующего периода даже в мирные времена Рим вынужден был держать под знаменами больше легионов, чем раньше требовалось для ведения войн.

Последующие одна за другой в течение первой трети второго века до н.э. войны потребовали: Вторая македонская война - два легиона, Сирийская война - четыре и Третья македонская война - тоже четыре легиона[50]. Но войны лишь время от времени увеличивали уже существующую постоянную потребность в войсках, возникшую в результате образования системы римских провинций. Каждая новая провинция требовала гарнизона[51]. В испанских провинциях римляне вынуждены были постоянно держать сначала два, а начиная со 187 года до н.э. - четыре легиона. В цизаль-

---

[49] Liv., XXXII, 57, 11.

[50] A.Afzelius, Die römische Kriegsmacht während der Auseinandersetzung mit den hellenistischen Grossmächten, "Acta Jutlandica", XVI, 2, 1944, S. 34-47.

[51] См. Afzelius, Op. cit., S. 47 (таблица).

пийской Галлии, для покорения галльских и лигурийских племен, со 198 по 172 год до н.э. Рим имел постоянно (за исключением двух лет) не менее четырех, а в 192, 182 и 176 годах даже шесть легионов; со 171 года до н.э. там стояли два легиона. Время от времени войск требовали также Сицилия и Сардиния. В период 200-168 гг. до н.э. Рим имел ежегодно, кроме двух лет, в провинциях не менее восьми легионов, число которых нередко достигало 10-12, а в 190 году до н.э. даже 13[52].

В период после 168 года до н.э., о котором мы не располагаем точными данными, потребность в войсках не уменьшилась. Хотя старые усмиренные провинции уже не требовали такого количества войск, как в предыдущий период (в цизальпийской Галлии стоял теперь в среднем один легион[53]), но новые провинции: Македония (148 г.), Африка (146 г.), Азия (133 г.) и Нарбонская Галлия (121 г.) требовали новых военных сил. По подсчетам Франка в период со 150-90 гг. до н.э. Рим имел ежегодно в среднем восемь легионов[54], и расходы в виде жалования легионерам за тот же период составили 420 миллионов денариев против 300 миллионов за период 200-150 г. до н.э.[55].

Подводя итоги вышеизложенному, можно заключить, что во втором веке до н.э. в Риме фактически сложилась постоянная армия. Рим уже не зависел от образуемых для

---

52 Личный состав легиона с начала второго века до н.э. был в среднем 5200 пехотинцев и 300 всадников. (См. Ibid., S. 49; Frank, ESAR, p. 141).

53 Frank, ESAR, p. 224.

54 Ibid., p. 226.

55 Frank, ESAR, p. 145, 228.

конкретных задач и затем распускаемых соединений, а постоянно имел готовые легионы в различных частях империи[56].

Удлинение периодов войн, а также необходимость постоянного расположения войск в качестве гарнизона в разных провинциях не могли не оказывать влияния на принципы комплектования легионов и условия военной службы.

По древнереспубликанскому обычаю римляне воевали только в летнее время[57]. Период от марта до октября был у римлян временем как сельскохозяйственных работ, так и военных действий[58]. Период военных действий начинался символическим очищением оружия и труб, которыми пользовались во время походов, и кончался укладыванием щитов и копий на зиму. После этого и люди, и оружие, и сам бог войны Марс оставались в покое до следующего марта, когда вступали в должность новые консулы как военные руководители общины[59]. По Полибию, приданные к легиону шесть военных трибунов в течение шести месяцев чередовались попарно, причем каждая пара исполняла свои обязанности в течение двух месяцев[60]. Не случайно и ограничение полномочий диктатора шестью месяцами. Военный поход продолжался, таким образом, не больше, чем полгода, и граждан могли держать в рядах легионов только в пределах этого ограниченного периода.

---

56 Smith, Op. cit., p. 2 - 3.

57 Plut., Camillus, 2.

58 А.И.Немировский, Идеология и культура раннего Рима, Воронеж, 1964, стр. 93.

59 Там же, стр. 92-94.

60 Polyb., VI, 34, 3.

По этим военным походам, длившимся первоначально фактически не больше, чем полгода, велся и счет военной службы граждан. Если гражданин до исполнения 46 лет участвовал в определенном количестве походов, по Полибию, в 16 походах в пехоте или 10 в коннице[61], он, хотя формально не освобождался от военной службы, мог считать себя сениором и не подлежал очередному набору.

В период ранней республики эти требуемые походы редко были отслужены непрерывно один за другим. Но уже Вторая пуническая война, длившаяся 18 лет, сделала неясной разницу между походами, и во втором веке до н.э. продолжительная военная служба стала скорее правилом, чем исключением. Следующие за войной против Ганнибала войны, хотя и были короче, велись так далеко от Италии, что уже из-за экономии (длинные пути сообщения с далекими театрами военных действий), не говоря о чисто военной целесообразности, возникала необходимость как можно дольше держать войска в полной готовности. К тому же заморские провинции требовали войск, которые полностью заменять ежегодно было невозможно. Таким образом, как будто само собой в качестве единицы учета военной службы походы были заменены "служебными годами" (Dienstjahre)[62].

Аппиан сообщает, что в 140 году до н.э. в Испанию было отправлено войско из новобранцев, чтобы заменить ветеранов, служивших уже шесть лет[63]. По Плутарху Гай Гракх в защитительной речи против выдвинутого обвинения указывал, что он прослужил в войске двенадцать лет, тогда как

---

61 Polyb., VI, 19, 2.

62 Kromayer-Veith, Heerwesen, S. 303. Впервые римляне вынуждены были провести в походе на вражеской территории и зиму, и лето, т.е. целый год во время осады Вей. (Plut., Camillus, 2).

63 App., Hisp., 78.

обязательный срок службы - всего десять[64]. На основании этих сообщений были высказаны мнения, что в известные времена количество обязательных служебных лет было сокращено до десяти или даже до шести[65]. Но из рассказа Аппиана этого не следует. Известно только, что после шестилетней службы в Испании солдаты возвратились в Италию, но не сказано, что их потом не могли вербовать. К тому же, нужно предположить, что многие из них служили уже до их отправления в Испанию[66]. Сообщение Плутарха тоже не означает, что в 124 году до н.э. срок военной службы был установлен десять лет. Скорее десять лет службы в армии, о которых говорит Гай Гракх, было условием для получения его первой магистратуры, т.е. квестуры[67].

---

64 Plut., C. Gracch., II, 4.

65 Kromayer-Veith, Heerwesen, S. 303 (сообщение Аппиана здесь неправильно датировано 152 г. до н.э.); H.Last, in: CAH, Vol. IX, Cambridge, 1932, p. 135. О шестилетнем сроке службы говорят также J. Kromayer, Die wirtschaftliche Entwicklung Italiens im II. und I. Jahrhundert vor Chr., "Neue Jahrbücher für das klassische Altertum, Geschichte und deutsche Literatur," Bd. 33, 1914, S. 153, n. 1; A.McDonald, The History of Rome and Italy in the Second Century B.C.,"Cambridge Historical Journal", Vol. VI, No. 2, 1939, p. 142; L.R.Taylor, Forerunners of the Gracchi, "Journal of Roman Studies", Vol. LII, 1962, p. 24.

66 Smith, Op. cit., p. 7, n. 4.

67 Гай Гракх продолжает, что он "... пробыл квестором при полководце три года, тогда как по закону мог бы вернуться через год". (Plut., C. Gracch, II, 5). По Полибию занять государственную должность никто не может прежде, чем не совершит десяти годовых походов (Polyb., VI, 19, 4).

Нет данных о каких-либо изменениях в содержании военной присяги, которая известна нам через Полибия[68] и Дионисия Галикарнасского[69]. Основой присяги было повиновение и исполнение приказаний военачальников. Присягу принимал полководец после набора, а в случае замены полководца его преемник, вместе с принятием командования, принимал также новую военную присягу у солдат[70]. Присяга связывала солдат только с конкретным полководцем, и, насколько нам известно, в ней, как и в предыдущий период, не содержалось никаких обязательств относительно продолжительности службы[71].

Судя по всему, общее количество служебных лет оставалось тем же, т.е. 16 лет в пехоте или 10 в коннице. Это не означало, однако, что гражданин был обязан непрерывно служить 16 лет или какой-нибудь другой заранее зафиксированный срок, но фактически он оставался в рядах армии на несколько лет подряд, в зависимости от назначения его легиона.

Выяснить среднюю продолжительность беспрерывного пребывания граждан в рядах армии можно лишь приблизительно. Когда Сципион собирался в Африку в 204 году до н.э., в его армии среди многих старых легионов находились и два "каннских легиона"[72], образованные из спасшихся сол-

---

68 Polyb., VI, 21, 2.

69 Dion. Hal., X, 18; XI, 43.

70 J.Marquardt, Römische Staatsverwaltung, Bd. II, Leipzig, 1884, S. 385.

71 Kromayer-Veith, Heerwesen, S. 305. Впервые Август ввел определенный срок непрерывной службы, сначала 16, потом 20 лет. См. Smith, Op. cit., p. 33, 72.

72 Liv., XXIX, 24, 13: Quinta et sexta Cannenses erant legiones.

дат в битве при Каннах. Они служили, таким образом, уже тринадцатый год подряд[73]. О демобилизации отслуживших солдат, кроме замены раненых и погибших, в это время исключительного напряжения сил вряд ли возможно было думать.

Так же и во втором веке до н.э. солдат, начиная поход, имел перед собой перспективу остаться в армии до окончания войны. Ливий не называет (до 168 года до н.э.) ни одного случая возвращения легиона в Италию и роспуска его до окончания военных действий[74]. В то же время практиковалась замена небоеспособных, убитых, а также отслуживших солдат присылаемыми время от времени дополнительными контингентами (supplementa). О критерии, по которому людей выбирали для замены их вновь прибывшими, к сожалению, ничего не известно.

Сформированные в 200 году до н.э. консулом Сульпицием для Второй македонской войны два легиона[75] остались на Балканах до их возвращения в 195 году до н.э., т.е. на шесть лет[76]. Вопрос о пополнении этих легионов в период их пребывания на Востоке неясен. Точно известно только, что Фламинин в 198 году до н.э. привез с собой 3000 пехотинцев и 300 всадников[77], которые, вероятно, заменили соответствующее количество солдат. В битве при Киноскефалах эта армия потеряла до 700 человек[78].

---

73 Ibid., XXIX, 24, 12: neque ullos aeque veteres milites in exercitu Romano esse.

74 Afzelius, Op. cit., S. 47.

75 Liv., XXXI, 8, 5.

76 Ibid., XXXIV, 43, 8. Afzelius, Op. cit., S. 57.

77 Liv., XXXII, 8, 2. О других сомнительных случаях см. Afzelius, Op. cit., S. 57-58.

78 Polyb., XVIII, 27, 6.

В войне с Антиохом на Востоке в 191 году до н.э. принимали участие два легиона консула Ацилия[79], которые были образованы уже в 193 году до н.э., и до их отправления на Восток стояли один год в Риме (legiones urbanae) и второй - в Бруттии[80]. В 190 году до н.э. к ним были прибавлены еще два легиона, сформированные в предыдущем году[81]. Эти четыре легиона стояли на Востоке до 188 года до н.э. Два из них находились на службе в общей сложности шесть, два остальных - четыре года. Первые два получили в качестве дополнения в 190 году до н.э. 3000 пехотинцев и 100 всадников[82]. В последующем году они получили 4000 пехотинцев и 200 всадников[83]. Аналогичное количество новых людей в том же году получили и два других легиона, стоящие в Этолии[84]. Таким образом, в одном случае около 70% солдат были освобождены после трех- или четырехлетней службы в данной армии, в другом случае около 40% людей освободились после двухлетней службы. Остальные же остались в строю до конца войны. Потери здесь практически не входят в расчет. Потери римлян в битве при Магезии были, по Ливию, только 300 человек пехоты и 25 всадников[85].

В Третьей македонской войне в 171-169 гг. до н.э. участвовали два легиона, численность каждого была 6000 пехотинцев и 300 всадников. В 168 году до н.э. на Восток бы-

---

79 Liv., XXXVII, 2, 2.
80 Afzelius, Op. cit., S. 37-38, 47.
81 Afzelius, Op. cit., S. 39, 47.
82 Liv., XXXVII, 2, 2.
83 Ibid., XXXVII, 50, 3.
84 Ibid., XXXVII, 50, 4.
85 Ibid., XXXVII, 44, 2.

ли отправлены еще два легиона нормального состава, образованные в предыдущем году legiones urbanae [86]. В I69 году до н.э. было решено отправить в Македонию supplementa в количестве 6000 пехотинцев и 250 всадников[87]. Таким образом, около 50% личного состава находящейся там пехоты и около 40% конницы могли быть освобождены. В I68 году до н.э. армия в Македонии получила еще 7000 человек пехоты и 200 всадников[88]. Служба в легионах периода Третьей македонской войны, следовательно, длилась от двух до четырех лет.

В провинциях одни и те же легионы находились долгие годы. Например, легион, назначенный в I96 году до н.э. в дальнюю Испанию, служил там беспрерывно до I68 года до н.э., на котором обрывается рассказ Ливия[89]. Исключительно редки случаи замены в провинциях одного легиона другим. Известны лишь два таких случая в Испании (в I80 и I77 гг. до н.э.)[90]. Подсчитывая дополнения и количество легионов и Испании, Афцелиус пришел к выводу, что, например, в период I95-I88 гг. до н.э., когда в Испании были расположены два легиона, туда ежегодно отправлялось в среднем 875 пехотинцев и 53 всадника на легион[91]. Следовательно, весь личный состав легиона (т.е. 5200 человек пехоты и 300 конницы) мог быть заменен приблизительно в течение шести лет. В период I86-I72 гг. до н.э. ежегодное пополнение для всех войск в Испании составляло в среднем 873 пехотинца и 6I всадник на легион, а для легионов дальней Испании только 683 пехотинца и 47 всадников[92]. В послед-

---

86 Afzelius, Op. cit., S. 45-47, 58.
87 Liv., XLIII, 12, 3.
88 Liv., XLIV, 21, 5-8.
89 Afzelius, Op. cit., S. 47.
90 Ibid., S. 42-44, 50.
91 Ibid., S. 55.
92 Ibid., S. 55.

нем случае для замены нормального состава легиона потребовалось около 7 - 8 лет.

При таких расчетах нужно учитывать еще потери раненными и убитыми, которые, несомненно, заменялись в первую очередь. Размеры потерь (из числа граждан) точно неизвестны, но из-за постоянных войн с испанскими племенами они могли быть довольно значительными[93].

Таким образом, хотя нет оснований говорить о предусмотренном законом сроке непрерывной службы, на практике, однако, периоды пребывания в армии, особенно в войсках, расквартированных в провинциях, нередко затягивались на долгие годы. Это зависело от военно-политической обстановки, а в известной мере также от полководца, который, естественно, желал как можно дольше сохранить обученную, опытную армию.

Поэтому пополнение легионов осуществлялось, как правило, не новобранцами, а солдатами, уже служившими определенное время в так называемых городских легионах (legiones urbanae , exercitus urbanus), о которых Ливий нередко упоминает в своей третьей, четвертой и пятой декадах[94]. Один год, в течение которого новобранцы получили необходимую выучку, эти легионы стояли возле Рима, и затем были включены в состав действующих армий или же они давали контингенты для пополнения различных легионов. Римские полководцы всегда стремились сохранить основной состав своей армии неизменным по возрасту и опытности[95]. Цезарь даже обычно не включал дополнительные контингенты в состав существующих легионов, а формировал из них специальные части[96].

Количество легионов еще не гарантировало успеха. Полководец отдавал предпочтение качеству, т.е. опытности

---

93 По Ливию (См. Frank, ESAR, p. 110) римляне потеряли в Испании в 190 году до н.э. 6000, в 185 году - 5600, в 181 году - 1000, в 180 году - 1500 человек, но большинство из них, несомненно, были союзники.

94 T.Steinwender, Die legiones urbanae, "Philologus", Bd.39, 1880, S. 527-540.

95 Adcock, Op. cit., p. 16.

96 Caes., b. G., I,24,2; b.c., III,29,2. Liebenam, Exercitus, RE, Bd. VI, col. 1602.

своей армии. Особенно ярко это выражено в письме Мунация Планка, который жалуется Цицерону, что войско Децима Брута и его вместе "по численности очень велико" (у них было I4 легионов), но "в смысле стойкости слабое", так как девять легионов из четырнадцати состояли из новобранцев[97]. Примером крайнего пренебрежения новобранцами является случай из периода гражданских войн, когда легионеры-ветераны отказались вместе с новобранцами принять участие в сражении, так как из-за неопытности они (новобранцы) могут привести в замешательство свои ряды[98].

Приведенные примеры относятся к первому веку до н.э., к эпохе господства когортовой тактики, которая, по словам Ф.Энгельса, "... представляет самую совершенную систему пехотной тактики, изобретенную в течение эпохи, не знавшей употребления пороха"[99]. Не менее важна была тактическая выучка во втором веке до н.э., в эпоху манипулярной тактики, которая достигла совершенства в годы Второй пунической войны[100].

Из второго века до н.э. известно немало случаев удержания обученных, опытных воинов в легионах после выполнения задачи, для которой они были набраны. При наборе нового войска всегда по возможности записывали тех, кто уже служил и, следовательно, имел военный опыт. При этом предпочитали, конечно, добровольцев, но если их не было в достаточном количестве, прибегали к принудительному набору, так как никто, кому не исполнилось I6 служебных лет, не был освобожден от очередного набора. На-

---

97 Cic., ad fam., X, 24, 3: Ita universus exercitus numero amplissimus est, firmitate exiguus. Quantum autem in acie tironi sit committendum, nimium saepe expertum habemus.

98 App., b. c., III, 67: ὡς μὴ συνταράξειαν αὐτοὺς ὑπὸ ἀπειρίας

99 Ф.Энгельс, Избранные военные произведения, Москва, 1957, стр. I47.

100 Kromayer-Veith, Heerwesen, S. 288 ff.; Vogt, Op.cit., S. 125.

пример, в 200 году до н.э., при комплектовании армии для Второй македонской войны консулу Сульпицию было разрешено сенатом принимать в состав своих двух легионов в добровольном порядке вернувшихся из Африки ветеранов Второй пунической войны.[101] Но в следующем, 199 году до н.э. в Македонии вспыхнул бунт двух тысяч воинов, тех же ветеранов Второй пунической войны, которые утверждали, что они были присланы в Македонию без их согласия (при наборе это было запрещено сенатом[102]): "... несмотря на их протесты они были посажены на корабли военными трибунами".[103] Недовольные ветераны жаловались на то, что много лет они не видели Италию, состарились в войнах в Сицилии, Африке, Македонии, они истощены трудами, обескровлены от множества полученных ран, но их требование - отправить их в Италию - не было удовлетворено.[104]

В 198 году до н.э., перед отплытием в Македонию, консул Фламинин набирал, как правило, людей, служивших уже в Испании или Африке, "воинов испытанной храбрости".[105]

Характерным для периода после Второй пунической войны является жизненный путь центуриона Спурия Лигустина. Впервые он был призван в армию в 200 году до н.э. и воевал пять лет в Македонии. После демобилизации он продол-

---

101 Liv., XXXI, 8, 6: ut de exercitu, quem P. Scipio ex Africa deportasset, voluntarios, quos posset, duceret

102 Liv., XXXI, 8, 6: invitum ne quem militem veterem ducendi ius esset

103 Ibid., XXXII, 3, 3: Id voluntate factum negabant: ab tribunis recusantes in naves inpositos

104 Ibid., XXXII, 3, 4-7: Multis annis sese Italiam non vidisse; consenuisse sub armis in Sicilia, Africa, Macedonia; confectos iam se labore, opere, exsangues tot accptis vulneribus esse.

105 Ibid., XXXII, 9, 1: ut eos fere legeret, qui in Hispania aut Africa meruissent, spectatae virtutis milites

жал служить добровольцем у различных полководцев, и до 171 года до н.э., к которому относится рассказ Ливия, прослужил в армии в общей сложности 22 года.[106]

Приведенные выше, а также еще другие примеры[107] показывают, что в легионах, предназначенных для активных военных действий, необходимо было иметь достаточное количество людей, имеющих полученный на поле боя богатый военный опыт. Ответственный за набор магистрат, не имея другого выхода, вынужден был, при поддержке сената, набирать людей, уже служивших, и удерживать их как можно дольше в рядах легионов.

Таким образом, превращение Рима в средиземноморскую державу привело за собой огромное усиление военной нагрузки Римского государства. В изменившихся условиях значительно расширилась задача, стоявшая перед римской военной организацией. Поддержание власти Рима в провинциях было совершенно невозможно на базе гражданского ополчения. Для обеспечения верховной власти Рима в провинциях были постоянно размещены войска. Это была уже постоянная армия в точном значении этого понятия. Служба в легионах, набранных для конкретных войн (главным образом с эллинистическими государствами восточного Средиземноморья) также на

---

106 Liv., XLII, 34, 5-12: Miles sum factus P. Sulpicio C. Aurelio consulibus...cum...dimissi essemus, continuo miles voluntarius cum M. Porcio consule in Hispaniam sum profectus...tertio iterum voluntarius miles factus sum in eum exercitum, qui adversus Aetoles et Antiochum regen est missus... deinceps bis, quae annua merebant legiones, stipendia feci. bis deinde in Hispania militavi... viginti duo stipendia annua in exercitu emerita habeo, et maior annis sum quinquaginta.

107 См. Liv., XXXIV, 56, 9; XL, 35-36; XLII, 32,6; App., Hisp., 65.

долгие годы отрывала людей от мирной жизни.

Отказ от имущественного ценза при наборе, подготовленный значительной пролетаризацией италийского крестьянства к концу второго века до н.э. и осуществленный, по традиции, Марием, привел, несомненно, к быстрому изменению социального состава римских легионов. Однако возникновение как постоянной армии, так и солдатского профессионализма, другими словами, перестройка военной организации как таковой, было обусловлено всем процессом военно-политического и социально-экономического развития Римской республики.

О НАБОРЕ СОЛДАТ В РИМСКОЙ РЕСПУБЛИКЕ
(II в. до н.э.)

М.Тянава

Военная организация явилась важнейшим элементом всей государственной системы Римской республики. Поэтому перемены в социально-экономическом базисе римского общества неизбежно должны были отражаться на состоянии римской армии, как на ее социальном составе, так и на характере армии как боевой организации. "... в истории армии с поразительной ясностью резюмируется вся история гражданского общества"[1].

По мере социально-экономического и политического развития Римского государства, результатом которого был выход Рима из рамок полиса, перед римской армией встали гораздо более широкие военные задачи, решение которых было невозможно на базе народного ополчения. Отсюда постепенное превращение римской армии в армию постоянную и затем в профессиональную. Другим аспектом того же процесса было изменение социального состава легионов, вызванное глубокими переменами в экономике римского общества, главным образом, в сельском хозяйстве, в результате развития рабовладения. Итогом всего этого было превращение армии в самостоятельную социально-политическую силу, сыгравшую решающую роль в событиях, предшествующих падению республики[2].

---

1 Маркс - Энгельсу, 25 сент. 1857 г., К.Маркс и Ф.Энгельс, Соч., изд. 2-е, т. 29, Москва, 1962, стр. 154.

2 О роли римской армии в конце республики см.: С.Л.Утченко, Кризис и падение Римской республики, Москва, 1965, стр. 174-197.

Первые признаки наступающих изменений в социальном составе, в социальной природе римской армии должны были проявиться при комплектовании легионов. Именно при наборе солдат (dilectus) впервые обнаружились такие явления, как нехватка солдат, непопулярность военной службы, а также, наоборот, стремление к ней у определенной категории граждан (добровольность). Наблюдая за ходом комплектования легионов, можно, таким образом, сделать выводы и о социально-экономическом положении основного контингента римской армии - сельского плебса, т.е. мелкого и среднего крестьянства в условиях развивающегося рабовладения.

x x
x

Основным источником по вопросу о проведении набора является для нас рассказ Полибия[3]. Однако его изложение во всех пунктах вряд ли отражает действительность середины II века до н.э.[4]. Оставляя в стороне такие моменты, как выбор солдат, их распределение по легионам и т.д., остановимся прежде всего на его утверждении, что в назначенный консулами день в Рим должны явиться "все римляне, достигшие положенного возраста"[5]. Те времена, когда в

---

3 Polyb., VI, 19-26.

4 Шестая книга Полибия написана, во всяком случае, до 146 г. до н.э. С.О.Brink, F.W.Walbank, The Construction of the Sixth Book of Polybius, "Classical Quarterly," IV, 1954, p. 98.

5 Polyb., VI, 19, 5: τοὺς ἐν ταῖς ἡλικίαις Ῥωμαίους ἅπαντας

случае войны не только возможно, но и необходимо было собрать всех граждан небольшого города-государства, способных носить оружие, давно миновали[6]. Теперь, когда под властью Рима находился весь Апеннинский полуостров, и ager Romanus простирался от юга Италии до долины По, охватывая добрую половину территории полуострова[7], немыслим был сбор всех военнообязанных. Это оказалось невозможным даже перед величайшей опасностью, угрожавшей Риму после страшного поражения в битве при Каннах. Набор рабов после Канн[8] был обусловлен не тем, что все военнообязанные, в том числе и пролетарии (в результате снижения ценза) были уже призваны в армию, как, кажется, думает Э.Габба[9], а скорее чрезвычайным положением в данный момент, когда в Риме боялись нападения Ганнибала на город. Большинство наличных войск погибло при Каннах, и нужно было быстро комплектовать новые легионы для защиты Рима, но в городе и окрестностях не хватало людей[10]. Что это было именно так, показывает значительное увеличение военных сил Рима в ближайшие годы. Если к концу 216 года до н.э. римляне имели 14 легионов[11], то уже в 212 году их число достигло 23[12].

---

6 На это обратил внимание уже Дельбрюк (Г.Дельбрюк, История военного искусства, т. I, Москва, 1936, стр. 341). См. также: Ed. Meyer, Das römische Manipularheer, seine Entwicklung und seine Vorstufe, Kleine Schriften, Bd. II, Halle, 1924, S. 225.

7 W.Kunkel, Römische Rechtsgeschichte, Weimar, 1964, S.42.

8 Liv., XXII, 57, 11.

9 E.Gabba, Le origini dell'esercito professionale in Roma: i proletari e la riforma di Mario, "Athenaeum", N. S., 27, 1949, p. 181.

10 J.Kromayer, Antike Schlachtfelder, Bd., III, Abt. 1, Berlin, 1912, S. 480.

11 A. Klotz, Die römische Wehrmacht im 2. punischen Kriege, "Philologus", Bd. 88, 1933, S. 66.

12 Liv., XXV, 3, 7.

Проведение набора на Капитолии[13] тоже показывает, что в нем могла участвовать только часть военнообязанных граждан. На Капитолийской площади (около I,5 га[14]) не могли поместиться все граждане, обязанные нести активную военную службу[15]. Поэтому давно, если верить Ливию, уже в конце 5-го века до н.э., набор солдат производился по территориальным трибам, назначаемым каждый раз жребием[16]. По необходимости набор организовывался на местах[17].

Можно утверждать, что на центуриатных комициях голосование по имущественным классам в том или ином виде сохранилось до конца Римской республики[18]. Римская армия уже давно потеряла связь с народным собранием по центуриям, однако вопрос о том, насколько при наборе солдат учитывалась принадлежность гражданина к тому или иному имущественному классу, не совсем ясен.

---

13 Polyb., VI, 19, 6; Liv., XXVI, 31, 11.

14 М.Е.Сергеенко, Жизнь древнего Рима, Москва-Ленинград, 1964, стр. 15.

15 Например, по данным цензa 154 г. до н.э. в Римской гражданской общине насчитывалось 324 000 военнообязанных граждан (Liv., epit., 48), из них юниоров (от 17 до 46 лет), обязанных явиться на набор, могло быть до 200 000 человек.

16 Liv., IV, 46, 1: Dilectum haberi non ex toto passim populo placuit: decem tribus sorte ductae sunt. Ex his scriptos iuniores duo tribuni ad bellum duxere. Ср. Varro, de l. l., V, 89; Dion. Hal., IV, 14; Val. Max., IV, 3, 4.

17 Liv., XXIII, 32, 19: ut in Piceno agro conquisitionem militum haberet locisque his praesidio esset

18 На это прямо или косвенно намекают многие античные авторы: Liv., XLIII, 16, 14; Sall., epist., II, 8, 1; Cic., de rep., IV, 2 (ср. II, 22).

По описанию, переданному Полибием[19], набор солдат производился примерно следующим образом. Консулы выбирали из людей назначенной жребием трибы четырех "приблизительно одинакового возраста и сложения"[20], которые распределялись военными трибунами между четырьмя легионами. Затем выбирали следующих четырех и т.д., пока не были укомплектованы все четыре легиона, состоящие, таким образом, из солдат одинакового качества. После этого воинов распределяли по возрастным классам. Самые молодые[21] зачислялись в легковооруженные (велиты), воины "второго возраста"[22] - в гастаты, солдаты "наиболее цветущего возраста"[23] - в принципы и "старейшие"[24] - в триарии. Также характеризует соответствующие разряды воинов и Ливий[25].

Только в двух местах Полибий упоминает роль имущественного положения солдат в определении их места в легионе. Относительно легковооруженных (вооружены мечом, дротиками и легким щитом) он пишет, что в их разряд зачислялись "самые молодые и беднейшие"[26]. Очевидно это могли быть граждане четвертого и пятого имущественных классов, которые еще в сервианской системе имели легкое вооружение[27]. Воины первого, второго и третьего имущественных классов, согласно их возрасту и опытности, образовывали разряды тяжеловооруженных солдат (гастаты, принципы и триарии), имеющих

---

19 Polyb., VI, 20-26.

20 Ibid., VI, 20, 3: τῶν νεανίσκων τέτταρας ἐπιεικῶς τοὺς παραπλησίους ταῖς ἡλικίαις καὶ ταῖς ἕξεσιν

21 Ibid., VI, 22, 1: τοῖς μὲν νεωτάτοις

22 Ibid., VI, 23, 1: δευτέρους μὲν κατὰ τὴν ἡλικίαν

23 Polyb., VI, 21, 7: τοὺς δ' ἀκμαιοτάτους ταῖς ἡλικίαις

24 Ibid., VI, 21, 7: τοὺς δὲ πρεσβυτάτους

25 Liv., VIII, 8: hastati - "flos iuvenum pubescentiun", principes - "robustior aetas", triarii - "veteranum militem spectatae virtutis".

26 Polyb., VI, 21, 7: νεωτάτους καὶ πενιχροτάτους

27 Liv., I, 43, 6-7. J.Marquardt, Römische Staatsverwaltung, Bd. II, Leipzig, 1884, S. 327; Liebenam, Exercitus, Pauly's Real-Encyclopädie der klassischen Altertumswissenschaft (=RE), Bd. VI, col. 1594.

одинаковое вооружение. Только граждане, принадлежащие к первому имущественному классу, имели вместо нагрудника полный панцырь[28], но зачисление их в тот или иной разряд тяжеловооруженных солдат больше не зависело от их имущества. Во времена Полибия только граждане первого класса, вероятно, вооружались еще за свой счет, как предполагает Э.Габба[29], остальные же, как правило, получали оружие от государства. Это явствует из важного сообщения Полибия о том, что квестор вычитает из солдатского жалования за хлеб, одежду, а также за оружие, если кто-нибудь нуждается в нем[30]. Для снабжения войск оружием и снаряжением государство располагало специальными арсеналами (armamentaria), в случае необходимости привлекались частное ремесло, а также поставки из союзных общин[31].

Таким образом, в середине второго века до н.э. при комплектовании легионов практическое значение имел только имущественный ценз пятого (т.е. минимальный ценз) и третьего сервианского класса. Граждане пятого и четвертого класса образовали разряд легковооруженных, тогда как все остальные, начиная с третьего класса, вошли в состав манипул тяжеловооруженных солдат. Граждане первого класса отличались только тем, что имели полный панцырь, но их место в боевом порядке легиона зависело от их возраста и военного опыта.

Описание Полибия, следовательно, отражает определенный этап на пути вымирания полисного гражданского ополчения, основывающегося на принципе тимократии. Раз-

---

28 Polyb., VI, 23, 15.

29 Gabba, Op. cit., p. 193.

30 Polyb., VI, 39, 15, Ср. Liv., III, 15, 8; IX, 29,4-5. О солдатском жаловании в период поздней республики см. более подробно: G.R.Watson, The Pay of the Roman Army: the Republic, "Historia", VII, 1958, p. 113-120.

31 J.Kromayer und G.Veith, Heerwesen und Kriegführung der Griechen und Römer, München, 1928, S. 328.

витие римской армии шло в сторону исчезновения между легионерами всех различий, связанных с принадлежностью к тому или иному имущественному классу. Можно предполагать, что уже во времена Полибия при делении солдат на легко- и тяжеловооруженных не всегда принимался во внимание имущественный ценз. Это стало возможным уже из-за того, что оружие предоставлялось государством. При этом вычет из жалования за оружие во второй половине II века до н.э. приобрел чисто символическое значение: этим хотели показать, что в некотором смысле еще сохранился принцип собственного вооружения граждан[32]. Характерно, что обычай вычета из жалования за оружие сохранился даже в период ранней империи[33], когда профессиональная армия полностью вооружалась за счет государства.

Полибий постоянно подчеркивает значение физических качеств при наборе. Первым делов выбирали требуемое количество солдат, заботясь при этом, чтобы все легионы получили бы по возрасту и опытности одинаковый состав[34]. После того, как легионы были укомплектованы и была принята военная присяга, новобранцев временно распускали. Когда в назначенный день они снова собирались, проводилось деление солдат на легко- и тяжеловооруженных[35], причем в разряд последних, вероятно, могли попасть многие из "беднейших"[36], учитывая общее обеднение крестьянства в II веке до н.э.

---

32 Gabba, Op. cit., p. 193.

33 Tacit., Ann., I, 17, 6.

34 Polyb., VI, 20, 3-7.

35 Polyb., VI, 21, 7-10.

36 Ibid., VI, 21, 7.

Создается впечатление, что уже во времена Полибия единственным критерием при наборе было обладание минимальным цензом, цензом пятого сервианского класса, тогда как имущественная градация среди assidui в отношении военной службы постепенно теряла значение[37]. На это указывает также то обстоятельство, что снижения имущественного ценза в период поздней республики коснулись только минимального ценза[38], который единственно сохранил реальное значение в военной службе.

x x
x

Точка зрения, по которой крестьянство давало основной контингент солдат римской армии, а в более широком плане образовывало социальный базис Рима - полиса, является общепризнанной в советской историографии античности. Эволюция социальной природы римской армии была, следовательно, тесно связана с социально-экономическим развитием Италии. Основным содержанием последнего процесса в период республики было постепенное расширение эксплуатации рабского труда, и во II веке до н.э. можно говорить о полной

[37] Применение легковооруженных велитов в бою последний раз надежно засвидетельствовано в Югуртинской войне (Sall., Jug., 46, 7; 105, 2); в дальнейшем легион состоял из одинаково вооруженных и обученных гоплитов. Если велиты все же применялись еще в период Суллы (см. об этом: M.J.V.Bell, Tactical Reform in the Roman Republican Army, "Historia", XIV, 1965, p. 419 ff), то это уже ничего общего не имело с имущественным цензом.

[38] Gabba, Op. cit., p. 173 sq.

победе рабовладельческого способа производства в Риме. Неминуемым результатом развития рабовладения явилась растущая пауперизация крестьян[39], мелкое хозяйство которых уступает место самым рентабельным для того времени рабовладельческим хозяйствам (виллы).[40] Расширению рядов сельского пролетариата, освобожденного от военной службы, способствовали также сокращение в виллах наемного труда и развитие крупного скотоводческого хозяйства[41].

Оборотной стороной пауперизации крестьянства был рост городского плебса, связанный с процессом урбанизации Италии во II веке до н.э.[42] Но из-за относительно слабого развития ремесла и торговли в городах Италии было мало людей среднего достатка.[43] О довольно ранней пролетаризации городского плебса свидетельствуют, например, начавшиеся впервые в 20I году до н.э. раздачи дешевого хлеба.[44] Следовательно, города, особенно Рим, играли незначительную роль в качестве поставщиков солдат для римской армии.[45]

В то же время всадническое сословие практически стояло в стороне от службы в легионах, так как всадники занимали в армии только офицерские должности. Рост этого сословия отнимал все больше граждан от военной службы.[46]

---

39 App., b.c., I, 7-8; Plut., Ti. Gracch., 8, 1-3.

40 Е.М.Штаерман, Расцвет рабовладельческих отношений в Римской республике, Москва, I964, стр. 8-II, 80 и сл.; В.И.Кузищин, Очерки по истории земледелия Италии II в. до н.э. - I в. н.э., Москва, I966, стр. 226, 270 и сл.

41 Е.М.Штаерман, Указ. соч., стр. 82, 84, II5.

42 С.Л.Утченко, Указ. соч., стр. I26-I27.

43 T.Frank, Roman Imperialism, New York, 1921, p. 269.

44 С.Л.Утченко, Указ. соч., стр. I27.

45 P.A.Brunt, the Army and the Land in the Roman Revolution, "Journal of Roman Studies", (=JRS), Vol. LII, 1962, p. 74.

46 Ernst Meyer, Römischer Staat und Staatsgedanke, Zürich, 1948, S. 264.

То же самое относится и к сенаторскому сословию, члены которого служили только в свите полководца или офицерами.[47]

В этих условиях римскому крестьянству все труднее становилось нести бремя военной службы, тем более, что сама военная служба подрывала крестьянское хозяйство. Наряду с сокращением количества военнообязанных в результате развития рабовладельческого хозяйства, ощутимый удар по численному состоянию свободного крестьянства наносила завоевательная политика Рима, которая причиняла большие потери в людях.[48] Сложив цифры римских потерь, взятые только из Ливия, Шрот насчитал для периода от 201 до 173 г. до н.э. 45000 убитых.[49]

Обеспечение власти Рима в провинциях и ведение войн с эллинистическими государствами восточного Средиземноморья требовали огромного напряжения военного потенциала Рима. Во-первых, увеличилось ежегодное количество призываемых солдат. Например, в 181 г. до н.э., когда в Италии свирепствовала эпидемия чумы[50], к военной присяге были приведены все мужчины до 50-летнего возраста.[51] Во-вторых, удлинились сроки военной службы. Тот, кто был отправлен в Испанию, вынужден был бросить свое хозяйство и семью не менее чем на шесть лет, а в худшем случае, даже на семь - восемь лет, у других служба продолжалась в среднем два -

---

47 J.Suolahti, The Junior Officers of the Roman Army in the Republican Period, Helsinki, 1955, p. 24, 55.

48 См. Г.Шрот, О рентабельности сельского хозяйства в Риме в конце республики, "Вестник древней истории", 1959, № 2, стр. 64-65.

49 Шрот, Указ. соч., стр. 65. Сводную таблицу потерь Рима за период 201-151 гг. до н.э. см. T.Frank, An Economic Survey of Ancient Rome, Vol. I, Rome and Italy of the Republic, Baltimore, 1933, p. 110.

50 Liv., XL, 19, 3.

51 Ibid., XL, 26, 7: omnes minores quinquaginta annis sacramento rogaret (Ср. Liv., XLII, 31, 2).

четыре года[52]. Вернувшись с войны, крестьянин часто находил свое хозяйство или потерянным, или разоренным, причем он не имел средств для его восстановления, так как рядовой воин получал небольшую долю из военной добычи, или оставался совсем без нее. Саллюстий в историческом экскурсе в "Югуртинской войне" подчеркивает, что народ был обременен военной службой и бедностью, причем в то время, как полководцы вместе с немногими приближенными делят военную добычу, могущественные люди изгоняют из родных мест родителей и маленьких детей солдат[53]. Аппиан тоже наряду с бедностью и налогами называет военную службу как одну из причин, которая вызвала уменьшение числа италийских крестьян.[54] Не менее характерны аргументы, которые приводит Атилий Регул; добиваясь освобождения от обязанностей главнокомандующего во время Первой пунической войны. Регул пишет консулам, что за время его пребывания на войне его раб умер, а наемники растащили орудия труда, так что из-за запустения полей его жене и детям нечем кормить себя.[55]

В этих условиях становится понятным нежелание крестьян служить в армии. Это нежелание нашло свое выражение в оппозиции военнообязанных наборам, что нередко приводило к серьезным кризисам при комплектовании армии.

---

52 М.Тянава, К вопросу о возникновении постоянной армии в Римской республике, в настоящем сборнике, стр.70 и сл.

53 Sall., Jug., 41, 7-8: populus militia atque inopia urgebatur; praedas bellicas imperatores cum paucis diripiebant: interea parentes aut parvi liberi militum, uti quisque potentiori confinis erat, sedibus pellebantur.

54 App., b. c., I, 7: τρυχομένους πενίᾳ τε καὶ ἐσφοραῖς καὶ στρατείαις

55 Val. Max., IV, 4, 6: vilicum... mortuum esse, occasionemque nanctum mercennarium amoto inde rustico instrumento discessisse, ideoque petere ut sibi successor mitteretur, ne deserto agro non esset unde uxor ac liberi sui alerentur. Ср. Liv., epit., XVIII.

Если экстренные меры, принятые после поражения при Каннах, как набор 8 000 рабов,[56] призыв в легионы юношей моложе семнадцати лет,[57] а также помилование и вооружение 6000 сидевших в тюрьме преступников и несостоятельных должников[58] можно объяснить чрезвычайным положением в данный момент, то нехватка новобранцев в 212 году до н.э.[59] могла быть в некоторой степени вызвана нежеланием крестьян явиться на набор. На это указывает, например, тот факт, что в 214 году цензоры обнаружили 2000 граждан, уклонившихся от военной службы, которые были наказаны.[60]

В 169 году до н.э., во время Третьей македонской войны, когда необходимо было тщательнее производить набор, возникло затруднительное положение с набором, которое привело даже к вмешательству цензоров. Консулы жаловались, что даже молодые люди не являются на призыв.[61] Оппозиция к военной службе была настолько сильна, что консулы вынуждены были не брать в солдаты "никого против желания".[62] Положение было столь серьезное, что цензоры к общей для всех граждан присяге сделали добавление, по которому все граждане моложе сорока шести лет обязывались являться на набор.[63]

---

56 Liv., XXII, 57, 11.

57 Ibid., XXII, 57, 9.

58 Ibid., XXIII, 14, 3-4. Val. Max. VII. 7, 1.

59 Liv., XXV, 5, 5: inopia iuniorum . В этом году были назначены сенатом две комиссии триумвиров с целью дальнейшего набора, причем они имели право делать солдатом всех физически достаточно крепких для ношения оружия, хотя они и не достигли еще положенного возраста (Ibid., XXV, 5, 6-7).

60 Ibid., XXIV, 18, 7-9. Так же и в 209 году в качестве наказания была превращена в эрариев группа всадников, уклонившихся от службы в армии (Ibid., XXVII, 11,15).

61 Ibid., XLIII, 14, 2: Cum dilectus habendi maior quam alias propter Macedonicum bellum cura esset, consules plebem apud senatum accusabant, quod (et) iuniores non responderent.

62 Ibid., XLIII, 14, 3: neminen invitum militem ab iis fieri.

63 Liv., XLIII, 14, 5-6.

В 151 году до н.э., во время войны в Испании, снова возник кризис с набором. Полибий[64] рассказывает, что под влиянием тревожных известий о непрерывных сражениях, об огромных потерях римлян и о храбрости кельтиберов молодежью овладел такой страх, что даже на должность военных трибунов не объявлялось достаточного количества кандидатов, тогда как раньше желающих занять эту должность являлось в несколько раз больше, чем требовалось; также и легаты отказывались следовать за консулами. "Самое худшее было однако то, что молодежь уклонялась от военной службы.."[65] По Полибию, офицеры согласились вступить в армию, вдохновленные на это примером Сципиона Эмилиана.[66] Но простые граждане попрежнему сопротивлялись. По Ливию, некоторые из них апеллировали к народным трибунам, которые безуспешно добивались от консулов освобождения от военной службы своих друзей. Конфликт достиг такой остроты, что даже консулы были арестованы трибунами.[67] Аппиан рассказывает о наборе 151 г. до н.э., когда народ был недоволен консулами, которые, как многие жаловались, несправедливо производят набор и некоторых лиц зачисляют в более легкие походы.[68] Конфликт был ликвидирован решением сената набрать в том году легионы в Испанию по жребию[69].

---

64 Polyb., XLIII, 14, 5-6.

65 Ibid., XXXV, 4, 6: τὸ δὲ μέγιστον, τοὺς νέους διακλίνειν τὰς καταγραφὰς

66 Ibid., XXXV, 4, 8-14.

67 Liv., epit., XLVIII: L. Licinius Lucullus A. Postumius Albinus consules cum dilectum severe agerent nec quemquam gratia dimitterent, ab tribunis plebis, qui pro amicis suis vacationem impetrare non poterant, in carcerem coniecti sunt.

68 App., Hisp., 49.

69 Ibid.

Кризисное положение с набором в 151 г. до н.э. имеет особое значение потому, что в конфликте по вопросу о военной службе на стороне плебса впервые выступили народные трибуны, которые даже временно заключили в тюрьму обоих консулов. Исследователь деятельности оппозиционных трибунов, предшественников братьев Гракхов, Л.Р.Тейлор нашла в источниках (период 152-134 г. до н.э.) двадцать три упоминания о выступлениях народных трибунов.[70] Конфликты трибунов с консулами и большинством сената в эти годы иногда были связаны с набором солдат. Так было кроме 151 г. до н.э. еще, вероятно, в 140 г. до н.э., и, несомненно, в 138 г. до н.э.[71] В этом году два народных трибуна требовали от консулов освобождения от военной службы десяти человек, и когда их требование не было удовлетворено, они, как и в 151 году до н.э., временно заключили консулов в тюрьму[72]. Столь резкие выступления трибунов указывают на остроту данной проблемы, которая затрагивала жизненные интересы римского крестьянства.

Использование неопытных новобранцев в войнах в Испании также отражает трудности с набором. В 145 году до н.э. консул был вынужден сформировать легионы из молодых рекрутов, чтобы избежать призыва тех, кто служил под Карфагеном и Коринфом.[73] То же самое было и в 140 году до н.э., когда консул отправился в Испанию с армией из

---

70 L.R. Taylor, Forerunners of the Gracchi, JRS, Vol. LII, 1962, p. 22

71 Taylor, Op. cit., p. 26.

72 Liv., epit., LV; Cic., de leg., III, 20; Liv., epit. Oxyrh.

73 App., Hisp., 65

новобранцев, чтобы заменить там опытных солдат, служивших уже шесть лет.[74]

Тейлор полагает, что народные трибуны уже до братьев Гракхов выступали как инициаторы законопроектов, причем некоторые из неизвестных законов, принятых во второй трети II века до н.э., могли быть продиктованы желанием урегулировать вопросы военной службы в интересах плебса.[75] Например, она думает, что применение жеребьевки при наборе в 151 году до н.э. могло иметь место на основании конкретного закона. Она также считает возможным, что возвращение солдат из Испании после шестилетней службы было связано с законодательством того времени.[76] К сожалению, в источниках нет данных о существовании предполагаемых законов.[77] Скорее мы имеем дело с решениями сената, которые стали необходимыми в конкретной обстановке, не исключая, конечно, активных выступлений народных трибунов. Однако вышеуказанные мероприятия, несомненно, свидетельствуют о кризисе традиционной системы набора в Римской республике.

В период Испанских войн был, вероятно, принят, как предполагает Тейлор,[78] один из законов Порция (Lex Porcia de provocatione), который предусматривал расширение права апелляции и солдатам.[79]

---

74 Ibid., 78.

75 Taylor, Op. cit., p. 22-24.

76 Taylor, Op. cit., p. 24.

77 К тому же, не доказано, что возвращение солдат в Италию после шести лет службы в Испании было произведено в силу закона, который предусматривал сокращение обычного срока военной службы от шестнадцати до шести служебных лет, как думает Тейлор (там же, стр. 24). См. Тянаева, Указ. соч., стр.66.

78 Taylor, Op. cit., p. 24, со ссылкой на Мак Дональда (A.H.McDonald, JRS, Vol. XXXIV , 1944, p. 19-20). Она объясняет принятие этого закона условиями Испанских войн, связывая его с распоряжениями о применении жребия при наборе и ограничением срока службы.

79 Liv., epit., LVII; Plin., n.h., XIV, 19; Plut., C.Gracch. 9; Sall., Jug., 69, 4.

Определенное место вопросы военной службы занимали в законодательной деятельности братьев Гракхов. Во-первых, нельзя оставлять без внимания, что в качестве важной причины, вообще побудившей Тиберия Гракха выступить с законопроектом аграрной реформы, античные авторы приводят убыль в свободном населении, готовом нести военную службу. Плутарх пишет: "Вытесненные с участков бедняка уже не проявили готовности исправно нести военную службу и растить с должной заботой своих детей, так что в Италии стали замечаться, с одной стороны, убыль в свободных гражданах, а с другой - наплыв рабов-варваров..."[80] Те же мотивы прослеживаются и в рассказе Аппиана.[81] По словам Аппиана, Тиберий Гракх с негодованием говорил о рабах, непригодных для военной службы.[82] Восстановление военного могущества Рима, которое было ослаблено в результате обезземеления крестьянства, - это важнейшая задача, решения которой добивались братья Гракхи и их ближайшие предшественники из наиболее дальновидной части нобилитета.[83]

Братьям Гракхам принадлежат и некоторые законопроекты, касающиеся конкретных вопросов несения военной службы. О трудном положении с набором свидетельствует тот факт, что Гай Гракх был вынужден провести специальный закон, который подтверждал минимальный возраст военной служ-

---

80 Plut., Ti. Gracch., 8 (перевод С.Я.Лурье) ἐξωθέντες οἱ πένητες οὔτε ταῖς στρατείαις ἔτι προθύμους παρεῖχον ἑαυτοὺς ἠμέλουν τε παίδων ἀνατροφῆς, ὡς ταχὺ τὴν Ἰταλίαν ἅπασαν ὀλιγανδρίας ἐλευθέρων αἰδοῦσαι, δεσμωτηρίων δὲ βαρβαρικῶν ἐμπεπλῆσθαι

81 App., b. c., I, 7-9.

82 Ibid., I, 9: Ἐπὶ δὲ τῷ δουλικῷ δυσχεράνας ὡς ἀστρατεύτῳ

83 Всемирная история, т. II, Москва, 1956, стр. 353 и сл.; H.Bengtson, Römische Geschichte, München, 1967, S. 155-156.

бы - семнадцать лет[84]. Необходимость в таком законе тем более ясна, если вспомнить, что сам Тиберий Гракх, например, пятнадцатилетним мальчиком участвовал в Третьей пунической войне, принимая участие в штурме Карфагена.[85]

Плутарх рассказывает, что среди новых законопроектов Тиберия Гракха был закон, который предусматривал сокращение срока службы в войске.[86] Как содержание, так и судьба этого законопроекта неизвестны. Может быть, этот закон, который в какой-то мере сократил обязательное количество служебных лет римского гражданина, был все-таки принят. Во всяком случае, в 109 году до н.э., когда из-за Югуртинской войны и войны против кимвров осуществлялась острая нужда в войнах, отменены были законы, "в силу которых уменьшилась военная служба".[87] Существование такого закона (по комментарии Аскония создается впечатление даже о наличии нескольких подобных законов) является очередным свидетельством о кризисе, который в данный период переживала римская система набора, в силу которой многие граждане были вынуждены против их желания служить в армии долгое время.[88]

Кризис традиционной системы набора легионов был вызван глубокими социально-экономическими процессами в римском обществе. Единственным выходом из него могло быть создание армии на совершенно новой, профессиональной основе.

---

84 Plut., C. Gracch., 5, 1.

85 Plut., Ti. Gracch., 4.

86 Plut., Ti. Gracch, 16, 1; Dio Cass., frag. 83. Возможно, что это была идея его брата Гая. Так полагает Смит (R.E. Smith, Service in the post-Marian Roman Army, Manchester, 1958, p. 8, n. 3), поддерживая точку зрения Габбы и Лэста (Gabba, Op. cit., p. 185; H. Last, in: Cambridge Ancient History, Vol. IX, Cambridge, 1932, p. 32). Ср. Taylor, Op. cit., p. 27, n. 46.

87 Asconius, p. 60 (Oxford): quibus militiae stipendia minuebantur

88 Smith, Op. cit., p. 19.

SISUKORD - ОГЛАВЛЕНИЕ

O. Klaassen. Rahvuslike jõudude ühtsuse probleem Indoneesias Hollandi kolonialismi vastu võitlemise perioodil (aastail 1945–1949) 3

М. Тянава. К вопросу о возникновении постоянной армии в Римской республике 50

М. Тянава. О наборе солдат в Римской республике (II в. до н.э.) 76

ТРУДЫ КАФЕДРЫ ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ

I

На эстонском и русском языках

Тартуский государственный университет
ЭССР, г. Тарту, ул. Юликооли, 18

Vastutav toimetaja R. Mäll
Korrektorid M. Raisma ja N. Tõikaleva

TRÜ rotaprint 1970. Paljundamisele antud 6.VII 1970. Trükipoognaid 5,81. Tingtrükipoognaid 5,40. Arvestuspoognaid 4,23. Trükiarv 500. Paber 30x42. 1/4.
MB 04188. Tell. nr. 530.

Hind 40 kop.

Hind 40 kop.

A
30752
77230

TÜ RAAMATUKOGU
1 0300 00293092 5